

Елена Чернова

КАЙСЯКУ ДЛЯ НЕЗНАКОМЦА

ПУТЬ
ВОИНА

ПУТЬ
СМЕРТИ

武士道は
死に狂いなり

Елена Чернова

Кайсяку для незнакомца

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-312
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Чернова Е. В.

Кайсяку для незнакомца / Е. В. Чернова — «Автор», 2017

ISBN 978-5-906099-50-1

Что такое Бусидо, Путь самурая и воина, и есть ли для него место в нынешнем мире? Может ли смерть оказаться вершиной жизни? Какова цена человеческого достоинства? Ольга Селинова не новичок в боевых искусствах, но чтобы ответить на эти вопросы, ей придётся приехать в Японию – и войти в ряды тайной школы бойцов, живущих по древним самурайским законам. И не просто войти, а стать там своей, совершив практически невозможное для женщины-иностранки...

УДК 821.161.1-312
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-906099-50-1

© Чернова Е. В., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Пролог	6
Часть 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Елена Чернова

Кайсяку для незнакомца

© Е.В.Чернова

© Алькор Паблшерс

Пролог

На ярко-жёлтых осенних листьях играл золотистый свет фонарей, и старая липовая аллея походила на волшебный чертог, оттенённый густой синевой вечернего неба. Вокруг было пустынно; лишь по дороге поодаль время от времени проезжали машины. Казалось невероятным, что такой тихий уголок может существовать в самом сердце перенаселённой Москвы, в двух шагах от многолюдных проспектов и набережных.

Корэмицу Сатоко обожала подобные закоулки, выискивая их во всех городах, в которых бывала. И везде норовила побродить по ним в одиночестве. Вот и сейчас, ускользнув от сопровождающих, она шла между огромных вековых лип, наслаждаясь прекрасным сентябрьским вечером.

Аллея закончилась, оперевшись в узкий сумрачный переулок, уходящий направо. Не желая возвращаться прежним путём, Сатоко направилась туда, хотя там смотреть было особенно не на что: заурядные старые пятиэтажки, вплотную примыкающие друг к другу. Из подворотни доносились резкие голоса: там о чем-то спорила четвёрка парней неопрятного вида и, похоже, не слишком трезвых. Заметив поблизости одинокую женщину, они загомонили громче; один что-то выкрикнул в её сторону. Сатоко не понимала слов, но общий агрессивный посыл был ясен. Она ускорила шаг, чтобы побыстрее пройти мимо.

– Да ты чо, а! – кричавший внезапно сорвался с места и стрёб её за плечо сзади. Тело отреагировало прежде сознания: полуобернувшись, Сатоко перехватила кисть своего противника, одновременно зацепляя за локоть второй руки, и, скрутив бёдра, заставила покатиться кубарем. Местным хулиганам неоткуда было знать, что эта миниатюрная дама больше двадцати лет занимается айкидо.

Несколько смущённая результатом, она отступила на пару шагов назад и произнесла одно из немногих русских слов, которые знала:

– Извините.

Опрокинутый ею парень неловко поднялся на ноги; физиономия, изрядно ободранная об асфальт, налилась тяжёлым бешенством. Издав нечленораздельный рёв, он ринулся в бой, теперь уже явно желая крови. Стремительно уйдя вбок, Сатоко скользящим блоком пропустила его атаку мимо себя. Но вторично сбить его с ног у неё не вышло. А с другой стороны уже набегали его приятели, решившие тоже присоединиться к веселью. Подавив страх, она нырнула под один из ударов, поймала чьё-то плечо и снова крутанулась, заслоняясь одним атакующим от другого. Разумеется, о полной защите не могло быть и речи: агрессоров было слишком много. Раздался треск ткани – её попытались поймать за рукав. Бедро пронзила острая боль, когда в него впечатался край ботинка. Чем это кончится? Сколько ещё получится отбиваться?

– *Х-харрь-я!* – дикий крик разорвал воздух, и в гущу схватки неожиданно ворвалась светловолосая девушка с деревянным мечом в руках. Один из нападающих, завопив, повалился, опрокинутый умелым пинком в колено, а дубовый клинок, опустившись ему на затылок, вырубил его окончательно. Следом рухнул парень с ободраным лицом, получив торцом деревяшки в челюсть. Мгновенно сориентировавшись, Сатоко поймала третьего на болевой приём и с размаху рубанула ребром ладони по шее, тоже отправляя в беспамятство. Четвёртый ринулся было бежать, но незнакомка одним прыжком настигла его и мощным ударом уложила наземь. Тот попытался встать, но лезвие меча легло ему поперёк горла, не позволяя ни вырваться, ни вздохнуть. Несколько секунд он отчаянно извивался, пытаясь вывернуться из захвата; потом обмяк, потеряв сознание. Девушка повернулась к Сатоко и слегка поклонилась.

– Большое спасибо, – неловко сказала та, окончательно исчерпав этой фразой свои познания в русском и не зная, что делать дальше. Но неожиданно для неё ответ прозвучал по-японски:

– *До итасимасите*, Корэмицу-сан. Не за что. Однако нам следует поскорее уйти отсюда, пока наши друзья не оклемались, или кто-нибудь не вызвал полицию. К тому же вам порвали плащ. Если позволите, я провожу вас к себе домой, и мы всё поправим. Тут недалеко.

– Вы знаете меня? – удивилась Сатоко.

Улыбнувшись, её собеседница подобрала свои вещи, брошенные возле стены; убрала меч в чехол и вскинула на плечи рюкзак.

– Разумеется. Я возвращаюсь с вашего семинара. А вот вы меня вполне могли не заметить – там яблоку было негде упасть. Но прошу вас, пойдёмте. Поговорить мы сможем и позже.

– Хорошо. Но кто же вы? Как вас зовут?

– Селинова Ольга, к вашим услугам.

Часть 1

Две россиянки неспешно шли по мощёной камнями дорожке, извивавшейся вдоль берега. Сквозь ажурное кружево ветвей поблёскивал океан. Пахло солью и йодом, влажной травой и свежестью. В вышине пронзительно кричали чайки. Едва-едва рассвело.

– Ну и зачем ты меня сюда вытащила ни свет ни заря? – Наталья зевнула. – Сама же мне жаловалась, что терпеть не можешь рано вставать.

– Да, – согласилась Ольга. – Но это наш единственный шанс хоть как-то отдохнуть от этих безумных толп. Даже в этом окраинном парке полным-полно народу весь день. А я-то думала, что в Москве слишком много людей!

– Тебе просто не с чем было сравнивать.

За очередным поворотом подруги увидели пожилого японца в спортивной одежде, с большим рюкзаком за плечами. Он стоял возле причудливой сосны, вцепившейся корнями в обрыв, и сосредоточенно смотрел на часы. Заслышав шаги, он поднял голову – и тут же разочарованно отвернулся. Потом его лицо отвердело: видимо, он принял решение. Кинув долгий, пристальный взгляд на сияющий горизонт, японец поправил лямки рюкзака, зачем-то поклонился и исчез в кустах.

Наталья проводила его глазами.

– Странный тип.

– Это к вопросу об уединении. Он явно кого-то ждал, но, похоже, не дождался. И уж точно не хотел видеть нас. – Ольга помолчала, глядя куда-то вдаль. – А здесь красиво, правда?

– Да, – рассеянно кивнула Наталья, усаживаясь на изогнутый сосновый корень. – Кстати, а как тебе понравилась вчерашняя чайная церемония?

– А тебе?

– Очень. Но как же у меня болели колени!

Ольга рассмеялась, опускаясь рядом на траву.

– У меня тоже. Но это терпимо. А вот сама церемония... было в ней что-то фальшивое. Этакая демонстрация экзотики для глупых европейских туристов. Интересно, до коих пор наши народы будут считать друг друга дикарями?

– А мне Япония нравится, – тихонько вздохнула Наталья. – Тут все такие вежливые...

– Зато всякий должен знать своё место. Тут интересная культура, но нам никогда не увидеть её целиком, просто потому, что мы не японки. И всё-таки... хотелось бы мне побывать на настоящей чайной церемонии.

– Попроси Сатоко. Ты знаешь, когда она вернётся?

– Говорила, что недели через две. Но я не хочу её беспокоить. Я и так ей слишком многим обязана. Если бы не она, мы могли вообще сюда не попасть. – Ольга вздохнула и вдруг обронила без всякой связи с темой беседы: – Однако... пожалуй, зря ты со мной связалась. Теперь можешь просто попасть под раздачу.

– Ты о чём? С тобой всё в порядке?

– Помнишь, я упоминала, что иногда могу предвидеть будущие события? Так вот тебе свежий прогноз: если не хочешь проблем, потрясений и смертельного риска, нам сейчас лучше расстаться. Возвращайся домой. Если получится, встретимся на тренировке.

– Ты это... серьёзно? Что случилось-то?

– Не знаю. Пока вроде бы ничего. Но я на твоём месте не стала бы игнорировать предупреждение.

– Ну, тогда давай вернёмся вместе!

– Нет. – Ольга покачала головой. – Не могу объяснить, но... так надо. Я должна следовать Пути. Я иду дальше.

– А я иду с тобой. – Наталья упрямо выпятила подбородок. – В конце концов, я тоже умею драться.

– Дело твоё. Не стану тебя отговаривать. Только всех твоих умений может оказаться недостаточно.

– Твоих, конечно, окажется достаточно, – последовал язвительный ответ. – Иногда ты просто раздражаешь своими рассуждениями. Я вот не следую никаким Путям. Я просто живу. И должна заметить, что наши с тобой жизни довольно похожи.

Пожав плечами, Ольга легко поднялась на ноги и не спеша отправилась дальше. Наталья последовала за ней, уже сожалея о своей вспышке.

У следующего изгиба дорожка раздвоилась. Ольга, не раздумывая, свернула налево, на узенькую тропку, уходящую в глубину парка. Вокруг пересвистывались птицы; откуда-то доносились журчание и шум падающей воды. Тропка причудливо извивалась, описывала сложные петли, потом скользнула на миниатюрный мостик через ручей. Ещё один поворот – и подруги вышли на небольшую полянку, окружённую внушительными серыми стволами. Её украшала искусственная скала с гротом и маленьким водопадом.

Наталья внезапно застыла на месте, поражённая ужасом.

– Что это? – прошептала она.

Возле старого дерева на соломенной циновке сидел давешний японец. Он успел переодеться – сейчас на нём был церемониальный самурайский наряд снежно-белого цвета. Впрочем, нижняя половина костюма уже окрасилась алым: аккуратно подобрав назад полы распахнутого хаори, коротким мечом, до половины обернутым белой же тканью, японец молча вспарывал себе живот.

С неясным возгласом Наталья попятилась. Она никогда не боялась крови, но такое... Знаменитый японский обычай, увиденный воочию, потрясал невероятной жестокостью – и жуткой обыденностью. Мучительная, грязная смерть. Кем надо быть, чтобы по доброй воле обречь себя на подобное? А ведь в Японии умудряются находить в этом душераздирающем обряде красоту...

Ольга осталась спокойной. Только тихо заметила, сжав плечо подруги:

– Медицина здесь уже бессильна. Дай ему закончить.

Она сурово и печально смотрела в лицо самоубийце, страшное в своей каменной неподвижности. Если он и заметил появление девушек, то никак этого не показал, продолжая методично резать себя слева направо. Из-под клинка расширяющимся потоком текла кровь; рана становилась всё длиннее, а движения японца – всё медленнее. Можно было только гадать, каких чудовищных усилий они ему стоили.

– Я не могу на это смотреть, – всхлинула Наталья, закрывая глаза ладонями. – Не могу! – Отвернувшись, она прижалась лбом к ближайшему стволу, не сдерживая рыданий.

Самоубийца остановился. Теперь он сидел неподвижно, ссутулившись, по-прежнему вцепившись в меч обеими руками, и тяжело, с хрипом дышал. Знакомая с ритуалом, Ольга поняла, что он допустил ошибку, вогнав клинок слишком глубоко. Ему удалось довести лезвие до правого бока, но на этом его силы кончились. Он уже не сможет прекратить свои муки, перерезав, по обычаю, себе горло.

Глядя на вспоротый живот с выпирающими из него внутренностями, Ольга мрачно подумала, что агония в таких случаях может длиться до нескольких часов. Несчастный пока ещё мог сохранять на лице бесстрастную маску, но в глазах читались боль и отчаяние. Он тоже это понимал.

Ольга до христа стиснула кулаки. И решила.

Подойдя к самоубийце, она опустилась на колени у границы кровавой лужи. Поклонилась и раздельно сказала по-японски:

– Если вы окажете мне такую честь, я исполню роль вашего кайсяку.

Тот медленно приподнял голову. Было неясно, видит ли он её лицо – совершенно не японское и даже не мужское. Тем не менее он ответил, с трудом выговаривая слова:

– Да. Благодарю вас.

Ещё раз поклонившись, Ольга поднялась и вытащила из-под куста рюкзак японца. Достала оттуда пачку бумажных салфеток, а потом – длинный меч в тёмно-красных ножнах. Предусмотрительно прихватив ножны салфеткой, она обнажила клинок, сунула остальную бумагу за пояс и заняла место, положенное кайсяку по ритуалу: сзади и слева от самоубийцы.

Тот как-то почувствовал её приближение – и ещё больше склонился вперёд, подставляя шею. Ольга быстро проверила свою стойку и подняла меч. На занятиях по иайдо отрабатывали и такое. В сознании осталась только холодная сосредоточенность. Сделать необходимое...

Вкладывая в движение всю силу, девушка ударила. Клинок негромко свистнул и с глухим мокрым звуком отсек японцу голову, пройдя точно между позвонками. Из перерубленной шеи хлестнул фонтан крови, голова упала наземь, тело тяжело завалилось следом. Ольга дочертила лезвием правильную дугу, аккуратно развернувшись, чтобы не забрызгаться. Отступив на шаг назад, она стала на одно колено, тщательно вытерла меч, убрала его в ножны и вернула в рюкзак. Потом собрала окровавленные салфетки, подошла к ручью, вытащила со дна большой плоский камень, сунула салфетки в ямку и положила камень на место. Всё это девушка проделала хладнокровно и уверенно, без каких-либо эмоций. Для них ещё будет время. Потом. Если повезёт.

Вернувшись к Наталье, которая всё так же рыдала, цепляясь за дерево, Ольга ласково обняла подругу:

– Пойдём отсюда. Пойдём к морю. Там тебе будет легче.

– А он?

– Он уже успокоился. Постарайся забыть.

Шёл седьмой час утра, и на дорожке вдоль берега то и дело встречались люди. Иные косились на заплаканную европейскую девушку, которую поддерживала другая. Наталью трясло, она всё ещё не могла прийти в себя. Возле причудливой сосны, у которой приятельницы беседовали утром, их остановили двое полицейских.

– Простите, – сказал один из них, подбирая английские слова, – мы можем вам чём-нибудь помочь?

– *Нани мо...* Ничего... – невнятно отозвалась Наталья, путая японский язык с русским. Ольга пожала плечами.

– Думаю, здесь и впрямь помочь нечем. У неё нервное потрясение. Будет вполне достаточно довести её до ближайшего бара и напоить каким-нибудь спиртным. – Она говорила на правильном японском, почти без акцента.

– Вы хорошо знаете наш язык, – уважительно заметил патрульный. – А что с ней случилось?

– Невдалеке, у грота с водопадом, мы наткнулись на человека, совершившего сэппуку, – Ольга невозмутимо смотрела в глаза собеседнику. – Не самое приятное зрелище. Но вам в любом случае следует об этом знать.

– Сэппуку?! – хором воскликнули оба. Потом тот же рослый мужчина, начавший беседу, решительно объявил: – Если так, вам обеим придётся пройти с нами и показать точное место. Вероятно, ещё понадобится ответить на несколько вопросов.

– Вы меня чрезвычайно обяжете, – жёстко возразила Ольга, – если избавите мою подругу от необходимости созерцать всё это ещё раз. А я лично к вашим услугам. Кстати, с кем имею честь?

Полицейский смутился.

– Прошу прощения, мы не представились, – сказал он с лёгким поклоном. – Я – Тамура Ёсио, старший инспектор полиции. А это Хасидзумэ Акира, младший инспектор.

– Селинова Ольга, – девушка тоже поклонилась.

– Воротова Наталья. Если нужно показать место... думаю, я справлюсь.

– Вижу уж, как ты справляешься, – усмехнулась Ольга, переходя на русский. – Гадаю, чем тебя поить: водкой или валерьянкой.

– Ты прекрасно знаешь, что я не пью водки!

– Значит, остаётся чистый спирт.

Наталья принуждённо рассмеялась. И снова помрачнела:

– Извини, что я так сорвалась. Но это настолько... как ты можешь оставаться такой спокойной?

– Попробуй подумать о другом. – Ольга снова повернулась к японцам. – Тамура-сан, давайте мы оставим её где-нибудь у ручья на камушке. А я провожу вас.

– Хорошо, пусть будет так, Селинова-сан, – он даже не споткнулся на её фамилии.

По дороге девушка внимательно приглядывалась к Тамуре. Сквозь приветливость и дружелюбие в нём явственно проступала какая-то внутренняя готовность, бесстрастная твёрдость, завораживающая и грозная. Его спутник тоже двигался с уверенной грацией человека, не понаслышке знакомого с боевыми искусствами. Но лишь от Тамуры веяло смертельной опасностью.

«Истинный самурай, – хмыкнула про себя Ольга. – Вот ведь нарвалась. Ну что ж, посмотрим, чем это кончится». Она ощутила, как сознание мгновенно обрело собранность и хрустальную ясность, словно перед боем.

Тем временем Тамура с не меньшим интересом изучал её, пытаясь отделаться от смутного ощущения угрозы, исходящей от девушки. Откуда бы? На вид – обычная европейка. Русые волосы, собранные в короткий хвост, загорелое лицо с резкими чертами. Серые глаза внимательны и безмятежны. Кажется, происходящее её абсолютно не трогает. Или она настолько хорошо владеет собой? Движения легки, точны и скупы, как и у самого Тамуры. Вот оно. Это поведение воина. Истинного воина. Она – воин? Женщина? Иностранка? Не может быть...

У последнего поворота дорожки Ольга кивнула Наталье:

– Подожди здесь, пожалуйста.

– Но...

– Не надо совершать подвигов без необходимости. Или тебе хочется посмотреть на труп? Наталья отвела глаза.

– Ты права. Я подожду.

На поляне ничего не изменилось. Тело лежало в подсыхающей бурой луже, сложившись вперёд и придавив плечом голову. Белый церемониальный наряд покойного почти полностью пропитался кровью; на спине, на сухом островке, покачивала крыльями большая стрекоза. Вокруг стоял острый неприятный запах.

– Ого! – воскликнул Хасидзумэ, глянув на мертвеца. – Да у него был кайсяку! Что скажете, Тамура-сан? Это по вашей части.

Тот долго смотрел на обрубок шеи.

– Голова срублена одним ударом. Очень чисто. Человек, который это сделал, великолепно владеет мечом. – Тамура повернулся к Ольге, стоявшей рядом. – Вы видели его?

Она слегка улыбнулась.

– Я никак не могла его видеть. Меня намного больше занимало состояние моей подруги.

– Что ж, вызываю криминалистов, – Хасидзумэ взялся за рацию. – Судя по всему, смерть наступила совсем недавно, в пределах трёх часов. Во всяком случае, кровь ещё не успела засохнуть.

– Думаю, около половины шестого, – пожала плечами Ольга. – Когда мы забрели сюда, он был ещё жив, хотя медиков вызывать уже не имело смысла.

– И при этом вы не видели кайсяку? – удивился Хасидзумэ.

– Его здесь не было. – Девушка чуть прикрыла веки, словно забавляясь. – А потом у Натальи не выдержали нервы, и мне пришлось махнуть рукой на самоубийцу и увести её отсюда как можно скорее. Всё равно мы уже ничего не могли сделать.

– Бред какой-то. Серинова-сан, а вы ничего не путаете? Не мог же он сам себя обезглавить.

– Я утверждаю лишь то, что на момент нашего появления здесь находился лишь он один. Кто мог сюда прийти потом – не могу сказать.

– А вы встречали покойного раньше?

– Между половиной пятого и пятью утра у той же сосны, под которой мы столкнулись с вами, мы встретили человека с точно таким рюкзаком, – Ольга указала под куст. – Одетого в спортивный костюм, синий с голубым и белым. Он всё время смотрел на часы. Увидев нас, он почти сразу ушёл куда-то в заросли. Правда, я не присматривалась к его лицу.

Хасидзумэ, надев полиэтиленовые перчатки, принялся изучать содержимое рюкзака. Свету явились длинный меч, несколько салфеток, пара кроссовок и тот самый спортивный костюм, синий с голубым и белым. В кармане на клапане обнаружился кофейного цвета конверт. Патрульный молча протянул его Тамуре. Тот вынул письмо и быстро пробежал его глазами.

Попав в затруднительные обстоятельства, но не желая стеснять семью и навлекать позор на её имя, я ухожу из жизни. Я делаю это совершенно добровольно и прошу никого не винить в моей смерти. Остатки моего банковского счёта я распорядился направить на покрытие моих долгов. Приношу искренние извинения господам полицейским за доставленное беспокойство. Единственная просьба к вам: пожалуйста, не ищите моего кайсяку. Я высоко ценю его помощь и не хочу, чтобы он из-за меня пострадал.
Камияма Хидэо

– Итак, он заранее с кем-то договорился, – заключил Тамура. – Получается, его приятель опоздал на встречу, но потом разыскал этого Камияму здесь – уже после того, как тот вспорол себе живот. Снёс ему голову и скрылся. Причём проделал всё исключительно точно, умудрившись не оставить никаких видимых следов. Нужно обладать запредельным хладнокровием, чтобы такое совершить. И высочайшим искусством. Я жажду встретиться с этим человеком. – От странной улыбки полицейского стало не по себе даже его коллеге.

Тут на поляне появилась группа криминалистов. Раскланявшись с патрульными, они принялись за работу. Чтобы им не мешать, Ольга отошла в сторону, по-прежнему спокойная и внимательная. Хасидзумэ, присев рядом, составлял протокол, иногда задавая уточняющие вопросы. Тщательно переписал данные загранпаспорта Ольги.

– Я, в общем, не сомневаюсь в ответе, но всё же должен уточнить: Селинова-сан, вы не знали раньше этого человека? – Тамура подошёл к ним совершенно бесшумно, прервав Хасидзумэ на полуслове. И нарочито резким жестом протянул Ольге голову Камиямы, поднеся её чуть ближе, чем позволяли правила вежливости.

Та бесстрастно посмотрела на мёртвое лицо, перепачканное кровью, лишённое какого-либо выражения. Застывший взгляд раскрытых остекленевших глаз напоминал сувенирные куклы самураев.

– Нет. Не знала, – ответила она. И, помолчав, холодно добавила: – Тамура-сан, не стоит так откровенно устраивать мне проверки. Это дурной тон.

За её спиной раздался слабый вскрик. Все обернулись. Там стояла Наталья, белая от потрясения, с ужасом глядя на отсечённую голову. Потом всхлипнула, покачнулась – и упала в обморок. Ольга молниеносно подхватила девушку и мягко уложила её на траву, гневно отстранив метнувшихся было на помощь патрульных. Впервые за всю беседу на её лице мелькнуло нечто, похожее на нормальные человеческие чувства.

Против воли Тамура вздрогнул. Он вдруг ощутил, что в этой женщине заключается его приговор. Его жизнь или смерть.

– Который час? – Наталья с усилием разлепила веки. Она лежала на толстом футоне посреди крошечной комнатки, которую они с Ольгой сняли после отъезда Сатоко. Голова девушки слегка кружилась; её всё ещё клонило в сон.

– Двадцать минут девятого, – последовал негромкий ответ. Ольга неподвижно сидела возле её постели, зачем-то сохраняя официальную позу «сэйдза».

– Мы пропустили утреннюю тренировку...

– И вечернюю тоже.

– Так сейчас вечер. – Наталья приподнялась на локте. – Что со мной сделали?

– Накачали успокаивающими и снотворными.

– Странно. – Девушка потерла виски. – Я, конечно, тоже читала о сэппуку, но не думала, что в реальности оно выглядит... так. Значит, ему отрубили голову? – Наталья помолчала. – Погоди, а кто?

– Разве ты не видела?

– Нет.

– Ну и прекрасно. Меньше знаешь – крепче спишь.

– Там ведь не было никого, кроме нас... – и внезапно её озарила страшная догадка. Она рывком села на постели: – Это сделала ты! Как ты могла?!

– Полагаешь, мне следовало оставить его мучиться? – тихо спросила Ольга.

– Нет. О, нет, – севшим голосом прошептала Наталья. – Но как ты сумела?

– А ты ведь тоже изучала ката «Кайсяку», – Ольга невесело усмехнулась. – Оказывается, это просто. Невероятно просто. Если сумеешь сохранить выдержку. Один удар, и... всё.

– Я теперь уже не уверена, что после такого вообще смогу взять в руки меч.

– Прости меня.

– Тебя-то за что?

– Отчасти я выбила тебя из равновесия. – Ольга серьёзно посмотрела в лицо подруги. – Ты должна была или твёрдо себя контролировать, или уж совсем сорваться в неменяемое состояние. И когда я увидела, что с контролем ты не справляешься, я... подтолкнула тебя. – Внезапно изменив тембр голоса, она глухо произнесла: – Медицина здесь уже бессильна. Дай ему закончить.

Поражённая, Наталья откинулась на подушку.

– И сейчас мне стало страшно... как у тебя получается? И зачем?

– Даже психолог-недоучка вроде меня может кое-что уметь. А понадобилось это затем, чтобы тебя не допрашивали в полиции. Во всяком случае, сразу. А если повезёт – так и вообще.

– Что тебе теперь грозит?

– Понятия не имею. Никогда не изучала японское законодательство. Но вряд ли они докопаются до истины. Нужно обладать очень нетривиальным мышлением, чтобы представить в роли кайсяку женщину из России. Правда, есть там один персонаж... – Ольга на миг задумалась. – Так ты простишь меня?

– Как я могу на тебя сердиться? – отмахнулась Наталья. – А если всё-таки докопаются, тогда что?

– Да всё что угодно. В том числе и это. – Протянув руку к своему рюкзаку, лежавшему в изголовье, Ольга вытащила оттуда нож, правдами и неправдами провезённый через границу. – На Пути Воина очень жёсткие правила. – Вздыхнув, она вытянулась на футоне рядом с Натальей, рассеянно ловя свет от лампы полированным лезвием.

– То есть ты тоже можешь покончить с собой из-за какой-то дурацкой идеи? – ужаснулась та. – Дался тебе этот Путь! Объясни мне, наконец, зачем?! В наше-то время? Или просто жить надоело?

Ольга спокойно, немного грустно улыбнулась.

– Нет разницы между понятиями «убить» и «умереть». То и другое – оборванная человеческая жизнь. Но воин должен это сделать, если понадобится. Если другого выхода нет. Суть его Пути в противостоянии, и главный его противник – он сам. До конца, до последнего края. Я – воин. Больше мне сказать нечего. – Она помолчала. – А ты теперь втянута в историю, которая вовсе тебя не касается. Впрочем, я тебя предупреждала тогда, на берегу.

– И что мне с этим делать?

– Сейчас? Возьми меч. И сделай базовый комплекс ката. Ты тоже должна преодолеть себя.

– Здесь?

– Высота потолка вполне позволяет. Единственное достоинство нашего жилища.

Медленно поднявшись, Наталья прошла к токонома, где на дешёвой пластиковой подставке лежали два иайто – её и Ольги. Взяла свой, вытащила из ножен и долго смотрела на сверкающий клинок. В её глазах стояли слёзы.

– Да, – решительно объявила она наконец, вкладывая меч обратно и возвращая на подставку. – Я это сделаю. Но тогда уж пусть всё будет как положено. Убери постель, пожалуйста.

Пока Ольга сворачивала футоны и вместе с прочими вещами запихивала их в шкаф, Наталья быстро переделалась в форму. Тщательно расправила складки хакама. Потом снова взяла меч и вышла на середину комнаты. Её лицо было бледно; губы плотно сжаты.

Ольга, не говоря ни слова, села у стены в официальной позе и торжественно поклонилась подруге. Так же молча Наталья опустилась на колени и церемонно ответила на поклон. Соблюдая правила, положила меч перед собой и поклонилась ему. Потом всунула ножны за пояс; закрепила шнур сагэо. На мгновение закрыла глаза, собираясь с духом. И взялась за рукоять.

Её первые движения были замедленными и неловкими, точно у новичка. Но постепенно многолетний навык взял верх, и воля обрела контроль над телом. Привычно концентрируясь на своих действиях, Наталья прочерчивала в воздухе дуги и петли, делала выпады, возвращала меч в ножны и снова извлекала. Она дёрнулась лишь один раз – когда теснота комнаты заставила её взмахнуть клинком возле самого лица неподвижно сидящей Ольги. Но та даже не моргнула, и Наталья снова расслабилась. Завершающий ритуал она исполнила уверенно и спокойно, как и всегда.

– Ты права, – сказала она, откидываясь на пятки. – Мне сейчас и впрямь намного легче. И, внезапно улыбнувшись, перешла на японский: – Могу я просить вас тоже блеснуть своим искусством?

Ольга поклонилась и ответила в том же духе:

– Я сочту за честь продемонстрировать вам свои скромные способности. Только позвольте мне переодеться.

– Это смотрелось очень глупо? – поинтересовалась она, пока Ольга завязывала на себе ленты хакама.

– Это было прекрасно, – возразила та. – Как любая победа над собой. – И фыркнула: – Хотя в начале у тебя был такой вид, будто ты собиралась не комплекс ката исполнить, а по меньшей мере совершить сэппуку.

– Оно до сих пор стоит у меня перед глазами. – Наталья перебралась к стене, положив свой иайто рядом. – Кстати, а что мне говорить в полиции?

– Можешь рассказывать обо всем, что ты видела. Как есть. Не упоминая лишь о своих... догадках. – Ольга остро глянула на подругу, и та с изумлением услышала её смех.

– Чего я никогда не пойму, так это твоего хладнокровия. Ты ведёшь себя так, словно ничего не случилось.

– А почти ничего и не случилось. Пока. Да и к чему переживания? Делай что должно, и будь что будет. К тому же после твоих ката у меня камень с души свалился.

Ольга опустилась в центре комнаты на колени, положила перед собой меч и склонилась в ритуальном поклоне. Дальнейшие мгновения были заполнены мелодичным свистом, скольжениями и взмахами, яркими бликами, играющими на клинке. Ольга старалась всё исполнить плавно, с предельной сосредоточенностью. Наталья заворожённо следила за её движениями.

Ольга заканчивала последнюю комбинацию, когда у двери заверещал звонок. Наталья сняла трубку, и старческий голос хозяина дома проскрипел:

– К вам посетитель.

Девушка заставила себя говорить ровно.

– Пусть войдёт.

Через минуту дверь распахнулась. На пороге стояла Корэмицу Сатоко.

– Добрый вечер, – поклонилась она. – Что у вас тут происходит?

Ольга, успевшая к тому времени сесть в официальной позе лицом к двери, невозмутимо ответила на поклон по всем правилам этикета.

– По-моему, видно. Импровизированная тренировка по иайдо.

– Вам мало двух тренировок в день?

– В силу экстремальных обстоятельств мы сегодня пропустили и ту и другую. Теперь пытаемся наверстать.

Наталья подала Сатоко подушку для сидения и снова опустилась на пол.

– Девушки, оставьте эти церемонии. Вы меня смущаете, – улыбнулась Сатоко. – Я начинаю чувствовать себя почётной гостьей у какого-то даймё. – Она огляделась вокруг. Серая старая бумага на стенах, потёртые татами и заметные следы плесени по углам заставили её помрачнеть. – Я высоко ценю вашу предупредительность и нежелание меня стеснять. Но если бы я знала, где вам придётся жить в моё отсутствие, я бы настояла на том, чтобы вы остались у меня дома. Мои гости, тем более такие как вы, достойны большего. Мне стыдно, что я обрекла вас на такие лишения. Прошу меня простить.

Сатоко покаянно опустила голову, но тут же вскинула её снова.

– Вот что, – резюмировала она, не давая подругам вставить хотя бы слово. – О том, что тут случилось, вы расскажете потом. А сейчас мы все немедленно возвращаемся ко мне. Я договорюсь с хозяином. Вы платили за неделю вперёд?

– За две, – недоумённо отозвалась Наталья. – Но...

– Значит, он должен вернуть плату за неделю. Собирайте вещи. – Она легко поднялась на ноги и скрылась за раздвижной дверью.

Бурная деятельность Сатоко привела к тому, что меньше чем через час девушки уже добрались до её апартаментов. Да и немудрено – у Ольги с Натальей все вещи прекрасно умещались в два туристических рюкзака, а хозяин их съёмной комнаты никак не мог противостоять тому напору, который на него обрушился. Да он и не терял ничего. Сдача жилья в городах Японии – совершенно беспроектный бизнес.

Почти весь квартал, в котором жила Сатоко, состоял из небольших домиков в старинном японском стиле, с совсем уж микроскопическими садиками при них. Он выглядел странным анахронизмом на фоне залитых огнями многоэтажек, неумолимо прижимавших к морю этот привет из прошлого. Но обитатели квартала держались отважно, что при запредельных ценах

на землю было очень непростым делом. Ольга даже боялась думать, в какую сумму Сатоко обходится её скромное двухэтажное жилище.

– Ты быстро вернулась, – заметила Наталья, когда вся троица пила чай в гостиной, расположившись за низеньким столиком. – Мы ждали тебя не раньше, чем через две недели. Наскучил твой окинавский приятель?

Сатоко помрачнела.

– Меня вызвала тётка. По её словам, мой дядя, Камияма Хидэо, этим утром покончил с собой. Так что пришлось всё бросить и мчаться домой. Завтра утром буду разбираться в ситуации.

– Наши соболезнования, – россиянки склонили головы. – Мы можем чём-нибудь помочь?

– Не стоит из-за этого беспокоиться. Надеюсь, проблемы моей семьи не помешают вашим делам.

– Может быть, нам не стоило так скоропалительно возвращаться к тебе? – нерешительно уточнила Наталья.

– Вы мои гости. Остальное не имеет значения.

– Говоришь, Камияма Хидэо – твой дядя? – медленно проговорила Ольга. – Тогда, возможно, имеет. Дело в том, что чисто случайно мы присутствовали при его... кончине.

– Понятно, – тихо сказала Сатоко. – И как он умер?

– Совершил сэппуку. По всем правилам. – Ольга вздохнула и с мрачной иронией закончила фразой из того самого ритуала: – Свидетельствую, что Камияма-сан принял смерть в высшей степени достойно.

Она с сомнением поглядела на Наталью, лицо которой сейчас почти не отличалось по цвету от фарфоровой чашки, которую та держала в руках. Потом обратилась к ней по-русски: – Если ты хочешь завтра утром идти на тренировку, тебе нужно ложиться спать. Да и вряд ли ты порадуешься подробному обсуждению сегодняшнего инцидента.

– Я и так проспала почти весь день. Я не усну, – на удивление спокойно откликнулась она.

– Ещё как уснёшь. Сатоко-сан, вы позволите Наталье лечь в постель? Для неё потрясение оказалось слишком большим. К тому же ей вкололи уйму транквилизаторов, и теперь она просто обязана отоспаться.

– Орья-сан, пожалуйста, прекрати, – утомлённо попросила Сатоко. – Я искренне надеюсь, что история с моим дядей никак не повлияет на нашу дружбу. Пусть Ната укладывается, а мы ещё поговорим.

– Я провожу её.

– Хорошо. А я пока заварю свежего чаю.

– Мы не поддерживали близких отношений с их семейством, – рассказывала Сатоко, задумчиво вертя в пальцах чашку. – Конечно, я опечалена, но моё горе нельзя назвать чрезмерным. Кроме того, как ни жестоко это звучит, возможно, смерть была для него наилучшим выходом. – Она помолчала. – Хотя, наверное, тебе трудно принять подобную точку зрения. Ты всё-таки не японка.

– Я не знаю ситуации. Что у него случилось?

– Он много играл на бирже. Долгое время его дела шли хорошо, но потом начались какие-то мутные проблемы, падение котировок акций, и в итоге он разорился. Само по себе это печально, но не трагично. Однако дядя привык не стеснять себя в средствах, и ничуть не изменил своих привычек, предпочитая всё больше залезать в долги. Последней каплей стал недавний случай, когда он подвёл знакомого, поручившегося за него в банке. Знакомому пришлось выплачивать немаленький штраф. Камияма-сан был вынужден продать часть имущества, чтобы компенсировать тому расходы. Видимо, он счёл, что оставшись жить после всего

этого, он окончательно опозорится. Или не захотел более рисковать репутацией и состоянием семьи. – Сатоко вздохнула. – Он... долго мучился?

Ольга покачала головой.

– У него был кайсяку. Хотя, конечно, сэппуку никак не назовёшь лёгкой смертью.

– У него был кайсяку?! – переспросила Сатоко. – Значит, он нашёл кого-то, кто согласился ему помочь? И кто... сумел? Удивительно. Дядя одно время занимался дзюдо, наверное, это его приятель из того круга. Интересно, кто именно. Орья-сан, ты можешь назвать какие-нибудь приметы?

– Зачем он тебе?

– Во всяком случае, не затем, чтобы заявить на него в полицию. Он рисковал своим благополучием, чтобы... облегчить участь друга. Но... хотела бы я посмотреть в глаза этому человеку.

– Смотри, – взгляд Ольги был прям и твёрд. – Обойдёмся без увёрток и лжи. Роль кайсяку для Камиямы Хидэо-сана исполнила я.

– Ты?... – побелевшими губами прошептала Сатоко. – Но как?

– Твой дядя действительно с кем-то договаривался, – последовал ровный ответ. – Когда мы впервые увидели его на рассвете, он явно кого-то ждал. Но тот не явился. Увидев на дорожке нас с Натальей, Камияма-сан, видимо, понял, что медлить дольше нельзя – скоро в парке будет полно народу. И отправился совершать обряд в одиночестве. Наталью ещё тогда насторожило его желание уединиться... Но мы это желание уважали – ведь и сами пришли туда за тем же самым. И ещё с полчаса сидели на берегу. А потом отправились дальше, и вторично набрали на Камияму-сана как раз к тому времени, когда он довёл вакидзаси до середины живота. То есть уже ничто не могло его спасти. К тому же он вонзил меч слишком глубоко, и к концу горизонтального разреза у него просто кончились силы. Я не могла позволить, чтобы его агония затянулась на час или больше. И предложила ему свои услуги, – Ольга вздохнула. – Вряд ли он осознал, кто с ним говорит, но ответил мне утвердительно. Остальное было делом техники. Тем более что твой дядя позаботился прихватить с собой всё необходимое. Даже салфетки.

Сатоко сидела очень прямо, украдкой вытирая набежавшие слёзы. В гостинной надолго повисло глухое молчание.

– Ты страшный человек, Орья-сан, – сказала она наконец, справившись со своими чувствами. – Ты... сделала это... с одного удара?

– Да.

Сатоко ещё с минуту молчала. Потом встала из-за стола, опустилась на колени и низко, головой в пол, поклонилась подруге.

– Благодарю тебя за помощь моему дяде, – отдельно произнесла она. И тихо добавила: – Надеюсь, что теперь... я не начну в самом деле тебя бояться.

– Каковы результаты, Харада-сан? – Тамура кивнул на мечи, лежавшие на лабораторном столе.

– Вполне можно сказать, что никаких, – хмыкнул директор лаборатории. – За исключением очевидного.

– А именно?

– Оба клинка зарегистрированы в полиции на имя Камиямы Хидэо. На вакидзаси – его отпечатки пальцев. И много крови. Но то, что сэппуку он совершил именно им, и так ясно. А вот с катаной интереснее. На ней обнаружены незначительные следы крови владельца. Настолько незначительные, что он вполне мог ею просто порезаться. И никаких отпечатков пальцев, если не считать одного смазанного следа на цубе. Но и тот принадлежит Камияме. – Найсукэ Харада взял с принтера распечатки и помахал ими в воздухе. – В общем-то, меня это

не удивляет. Если этот кайсяку действительно таков, как вы вчера расписывали, у него наверняка хватило ума надеть перчатки.

– На теле есть порезы, кроме вспоротого живота?

– Да. Небольшой разрез на левом предплечье, аккуратно заклеенный пластырем телесного цвета. Видимо, покойный перед смертью проверял остроту лезвия. Не могу только сказать, какого.

– Полные данные судмедэкспертизы уже готовы?

Харада протянул Тамуре одну из распечаток.

– Рана глубока. Если опустить детали, он искромсал кишечник, рассёк множество нервных окончаний, но при этом умудрился не задеть ни одного крупного сосуда. Талант. Не будь у него помощника, умирать ему пришлось бы долго. Шея перерублена между четвертым и пятым позвонками, одним ударом очень острого лезвия. Срез гладкий и чистый, хоть анатомию изучай. Что ещё? Согласно медицинским документам, умерший был психически здоров. Алкоголя и наркотических препаратов в крови не обнаружено. Из заболеваний имел язву желудка и проблемы с печенью.

– И кучу финансовых проблем, – добавил Тамура. – Судя по рассказу его вдовы, Камияма наворотил такого, что другого способа отмыться у него уже не осталось. По крайней мере, он сумел уйти достойно.

– Было бы куда достойнее не впутывать в это дело других, – резко ответил Харада. – Первый случай, когда я рад отсутствию улики. Не хочу отправлять в тюрьму человека, виновного только в том, что он избавил приятеля от мучений. Даже зная, что приятель, желающий умереть красиво, его просто подставляет. Да и вообще, лучше не ронять чести при жизни, чем потом вспарывать себе живот, пытаясь оправдаться.

– Харада-сан, а у вас всегда получалось не ронять чести? – прищурился Тамура.

– Вы совершите поступок, которого придётся стыдиться? Я – не совершу, – отрезал тот. – Действовать неблагоприятно, а потом покрывать грехи эффектным самоубийством – смешно и глупо. И неприлично, если на то пошло.

Харада рассерженно швырнул распечатки на стол и вышел из лаборатории, тяжело раскачиваясь на ходу. Тамура задумчиво смотрел ему вслед.

– Своя истина здесь есть, – заключил он вслух. – Но в любом случае, когда придёт мое время, я обойдусь без помощника.

Вернувшись к себе в кабинет, инспектор бросился в кресло и задумчиво сложил руки на груди. Его грызло смутное, необъяснимое беспокойство. Этот странный кайсяку не оставил на месте сэппуку вообще никаких следов. Ни отпечатка пальца, ни отиска ботинка, ни даже волоса. Казалось, он возник ниоткуда и потом испарился в никуда. О его присутствии говорил только безупречно обезглавленный труп Камиямы. Тамура тоже не считал это преступлением. Но сдать дело в криминальный отдел и забыть про него он тоже не мог. Даже не по долгу службы. Его, воина до мозга костей, дразнили искусство и хладнокровие, проявленные другом самоубийцы.

«Мне необходимо его найти, – решил Тамура. – А там я разберусь, что делать».

Он неожиданно вспомнил глаза свидетельницы. Спокойные, ясные, уверенные. Не знающие сомнений. Она и бровью не повела, когда он протянул ей отсечённую голову. Только осадила его, как и стоило. Не будь она женщиной, да ещё иностранкой, это был бы подозреваемый номер один. Хотя... зачем бы ей тогда приводить нас к телу, да ещё и описывать всё до мельчайших деталей? Так может вести себя только человек, убеждённый в своей невиновности.

Поняв, что окончательно запутался, инспектор вывел на экран компьютера данные о свидетелях. Нашёл нужную строку.

«Селинова Ольга, гражданка России, 35 лет... дата рождения... загранпаспорт номер... в Японии по приглашению Корэмицу Сатоко.» Вот как.

Корэмицу, шестой дан айкидо и пятый – иайдо, он знал лично. На одном из фестивалей боевых искусств они даже встретились на татами. Тогда ей пришлось нелегко. Тамура помнил напряжённую сосредоточенность в её взгляде и движениях... Тем не менее он считал Корэмицу одной из немногих женщин, чья подготовка заслуживает упоминания. Что её может связывать с этой россиянкой – вернее, двумя россиянками? Или они занимаются у неё?

Конечно, Селинова придёт на допрос, если её вызвать. Но для допроса нужен повод. Которого нет. Да и о чем её спрашивать? Уже расспросили обо всём, имевшем отношение к делу. Побеседовать об айкидо? Зачем? Пусть даже она изучает боевые искусства, за пределами Японии всё равно ничему толковому не научат. Тем более женщину. Правда, остаётся непонятным её запредельное спокойствие. Если разобраться, невозможное в таких обстоятельствах. Притворялась? Так притворяться нельзя...

– Скверные новости, Тамура-сан! – бодро отрапортовал Хасидзумэ, входя в комнату. – В центре города прошлой ночью совершены налёты на три ювелирных магазина. Сигнализация блокирована профессионально. Создали помехи на нужных частотах, заменили видеокартинку... В одном из магазинов было два ночных охранника – они убиты выстрелами в голову, предположительно из пистолета с глушителем. Так что на отдых можно не рассчитывать. Полчаса назад пришёл приказ: всё Управление поднимают по тревоге.

– Я рад, – искренне отозвался Тамура, довольный тем, что его отвлекли от бесплодных размышлений. – Может, у нас наконец появится настоящее дело.

– Всё ищешь возможности приложить куда-нибудь свои умения? – тонко улыбнулся Хасидзумэ. – Облавой наверняка будет заниматься Кидотай. Мы попадём в лучшем случае в охранение. Вооружённая банда – не шутки, а там наверняка не один человек замешан. И вообще, сначала надо их найти. Криминальному отделу стоит посочувствовать.

– Да. Харада-сан только неделю назад жаловался на безделье... – усмехнулся Тамура. Значит, теперь криминалистам будет не до кайсяку. И он с чистой совестью может заняться его поисками сам. Если удастся выкроить время.

Стояли поздние сумерки, когда Тамура переступил порог додзё, занимавшего большую часть его дома. Пустой зал был залит призрачным серым светом, лившимся в окна. Солнце давно зашло, но его лучи всё ещё блуждали меж двух зеркал – моря и неба, вечно отражающих друг друга. Казалось, этот таинственный свет пронизывает и тело, смывая суету дня, наполняя сознание чистотой и тишиной.

Отточенным жестом Тамура переложил меч из левой руки в правую и с достоинством поклонился. Он всегда тщательно соблюдал ритуалы, даже наедине с собой. Отчасти именно они стали теми ножами, которые защищали окружающих – и его самого – от безжалостного клинка его духа. Зная Тамуру как сдержанного человека с идеальным самоконтролем, мало кто догадывался о безумной жажде, сжигавшей его изнутри.

Но сейчас, в одиночестве, он мог не скрывать её. Опустившись на колени напротив камидза, Тамура поднял глаза на свиток, висящий в нише. Когда-то он сам начертил на нём иероглифы. «Путь самурая – это смерть». Короткая фраза из «Хагакурэ» коснулась сердца знакомой ледяной сталью. Все поступки, все устремления он привык выверять по ней. Смерть являлась для него вершиной жизни, твёрдой опорой в бескрайней пустоте мира. Она окрашивала реальность в ослепительно яркие краски, придавала действиям правильность и прямоту, изгоняла наносное. Единственной страстью Тамуры был поединок, столкновение искусства и воли. Чем достойнее противник – тем лучше. Но схватки на татами не удовлетворяли Тамуру до конца. Он желал высшего испытания. Настоящего боя, оставлявшего только два исхода: умереть или выжить.

А пока...

Уважительный, официальный поклон мечу. Ладонь ощущает предвкушающее подрагивание рукояти. Ножны привычно ложатся за пояс, клинок медленно выскальзывает наружу, сияя огненным серебром. Плавный, струящийся поток. Лезвие возносится вверх – изящный изгиб ручья, застывший в металле. Ещё миг – и ручей превращается в молнию.

Тамура исполнял одну ката за другой, от базовых до сложнейших. Взмахи, выпады, повороты. Движения ускорялись, становились свободнее и сильнее, перетекали друг в друга, пока человек и катана не потерялись в ослепительном, грозном вихре. Холодный блеск, рассекающий воздух. Ярость и безмятежность, порыв и стойкость, ясность сознания, боль и сумасшедшее, жестокое счастье. Совершенства можно достичь. Только протяни клинок.

Воин-меч, единое целое, замер в полной, расслабленной неподвижности, способной мгновенно смениться стремительной атакой. Один против себя. Один против неба. Один.

Не ослабляя концентрации, Тамура сделал ещё несколько форм, особо задержавшись на ката «кайсяку». Повторив её несколько раз в разных вариациях, он неожиданно спросил себя: «Я могу срубить голову никак не хуже того неизвестного. Но как бы я поступил, обратиться ко мне друг с такой просьбой?» И понял, что не знает ответа. Это его озадачило. Обычно он не колебался в решениях.

Помедлив, Тамура продолжил занятие. Вложив оружие в ножны, он вынес в центр додзё две туго свёрнутые соломенные циновки и несколько бамбуковых палок разной толщины и длины. Поставил одну палку перед собой стоя – и, прежде чем она успела упасть, выхватил меч и одним ударом расколол её вдоль. Вторую Тамура разрубил поперёк на три почти равные части. Третью – на четыре. Он по-прежнему не зажигал в зале света. Ему вполне хватало восходящей луны.

Покончив с палками, он принялся за циновки, закрепив их вертикально в специальном держателе. Каждый раз лезвие попадало точно на тоненькие полоски, начерченные маркером на рулоне. Но срезы Тамуре не нравились. Солома по краям слегка махрилась, нарушая их идеальную гладкость. Недостаточно точное движение. Ещё взмах, ещё... К середине второй циновки плоскости стали безупречными.

Разум воина окончательно успокоился, став похожим на тихое, прозрачное горное озеро. Не осталось ни мыслей, ни волнений, ни ощущения собственного «я». Только скользкая в бесконечности зеркальная сталь, отражающая мимолётные блики реальности.

Глубокой ночью Тамура завершил тренировку. Тщательно убрал мусор. И вздохнул, покидая додзё. Мир за его пределами всегда казался ему каким-то неправильным. Ненстоящим.

– *Домо аригато годзаимасита!* – два десятка фигур в белых кимоно поклонились сэнсею. Ещё поклон – и ученики, сломав строй, встали и направились в раздевалку.

– Серинова-сан, задержитесь, пожалуйста.

– *Хай.* – Ольга снова опустилась на татами, внимательно глядя в лицо учителю.

Тот какое-то время молчал.

– Вы хорошо тренируетесь, – сказал он наконец. – В сущности, вам больше нечего делать в этой группе.

Девушка не смогла сдержать удивления. Среди учащихся здесь было немало людей, превосходивших её как по рангу, так и по знанию техник.

– Дело не в вашем уровне, – ответил сэнсей на невысказанный вопрос. – Никто из тех, о ком вы думаете, не выстоит против вас в реальной схватке. И они это чувствуют. Вас боятся, Серинова-сан.

«Почему»? – подумала Ольга.

– Они нормальные современные горожане. Они не знают, как реагировать на человека, который похож на обнажённый меч. Когда вы касаетесь их своим духом, им остаётся только в ужасе отшатнуться. Как же вам с ними работать и чему вы друг у друга научитесь?

Ольга склонила голову. «Преувеличивает. Вроде никто ещё от меня по залу не бегал. Но что теперь?»

– Конечно, мои ученики не показывают страха открыто. Но в последние дни вас стала опасаться даже Воротова-сан. Согласитесь, толку от таких занятий немного. И я думаю, как поступить с вами. Я должен или запретить вам заниматься вовсе, или учить вас в другом месте и совсем по-другому.

– Полагаете, я могу стать угрозой для общества? – медленно уточнила Ольга.

– Можете. Даже сейчас. Мне нужно быть абсолютно уверенным, что вы ею не станете.

– Извините, Хаябуси-сама, но я не знаю, как это доказать. Я изучаю боевые искусства, а не игру на сямисэне. И действительно опасна. Устранить опасность можно, только убив меня. Но я следую Пути и не намерена с него уклоняться. О чистоте моих помыслов судите сами.

– Достойный ответ, – сэнсей слегка усмехнулся. – Что ж, предлагаю вам решение вполне в духе Бусидо. Я начну тренировать вас в другом, весьма узком кругу. Предупреждаю, там вам придётся очень тяжело. Вы, в свою очередь, напишете мне ритуальное обязательство, что никогда не используете во зло полученное знание. И не передадите его никому постороннему без моего на то разрешения. Вы будете твёрдо следовать правилам школы и не уроните её чести. Если когда-нибудь я сочту, что вы нарушили соглашение, я просто прикажу вам покончить с собой. И вы это сделаете. Вас устраивают такие условия?

– Вы оказываете мне великую честь, Хаябуси-сама. Благодарю вас. – Ольга церемонно поклонилась, коснувшись лбом пола.

– В таком случае, жду вас сегодня в восемь вечера. Вот адрес, – он протянул ей визитку. – Можете идти.

– Где ты там застряла? – поинтересовалась Наталья. – Она давно переоделась и с любопытством смотрела на подругу, которая сосредоточенно складывала хакама. – Ответа не последовало, и Наталья ощутила холодок в позвоночнике. Её всё-таки заподозрили? Или случилось что-то ещё?

Ольга поймала её взгляд.

– Потерпи. Выйдем на улицу – поговорим.

Снаружи стояла невообразимая жара, ещё усиленная автомобильным смогом. На солнечной стороне улицы почти не было прохожих, но там, где дома отбрасывали хоть какую-то тень, тек сплошной людской поток.

– Жуть, – Наталья понижее опустила поля своей шляпы. – Тут можно свариться заживо. Мы обедаем у Сатоко?

– А то где же. Давай пройдемся пешком. Автобус в такой обстановке как-то не вдохновляет. Там мы точно задохнёмся, если прежде нас не размажут по стенке.

– Пойдём, – обречённо согласилась Наталья. – Так ты расскажешь, в чём дело?

– Хаябуси-сэнсей заявил, что в этой группе мне не место. Потому как со мной здесь боятся работать. Видимо, я должна лучше следить за собой – нельзя, чтобы от меня все шарахались. Так или иначе, он предложил мне какую-то особую программу тренировок. При этом он требует с меня клятву, что я не использую свои знания неподобающим образом.

– Какую ещё клятву?

– Ту самую, которую новый ученик приносит и скрепляет кровью при поступлении в школу. Судя по жёсткости предложенных условий, система закрытая и очень серьёзная.

– И ты согласилась?

– Разумеется. От такого не отказываются.

– Но у тебя хватит денег?

– О них вообще речи не заходило. Похоже, тут придётся платить не деньгами.

– А чем?

Ольга хмыкнула.

– Могла бы и догадаться. Верностью. Служением. Вполне возможно, жизнью. В этой области правила не менялись со времен средневековья. Подписав подобное обязательство, я отдаю себя со всеми потрохами. Тем не менее для меня приглашение учителя чрезвычайно лестно. А вот зачем я ему сдалась, это отдельный вопрос. Если верны мои мысли на сей счёт... мне и впрямь тяжело придётся. Да оно и к лучшему. Боевым искусствам в санатории не научишься.

– Оленька, скажи, ты в своем уме? – в голосе Натальи звучала странная смесь бешенства, мольбы и отчаяния. – Ты можешь поручиться, что у Хаябуси-сэнсея исключительно благородные намерения? Даже если так, тебе рано или поздно возвращаться в Россию. Думаешь, тебя легко отпустят из закрытой школы? Наконец, как твой муж на это отреагирует?

– Мой муж ещё до свадьбы прекрасно осознавал, кого берёт в жёны. Кроме того, ему самому важнее его китайские раскопки, чем семейный очаг. А по поводу остального... – резко остановившись, Ольга повернулась к подруге. – Если я хочу называть себя воином, то у меня нет выбора. Даже само такое предложение – высочайшая честь. Не приняв его, я воистину опозорюсь. С каким лицом мне потом выходить на татами? В общем, не глупи. Я не могу и не желаю отвергать эту возможность.

– И тебе, похоже, безразлично, чем ты при этом рискуешь, – хмуро подытожила Наталья. – Может, мне тоже сделать сэппуку? Просто чтобы не глядеть на твою безмятежную физиономию. И не слушать рассуждения о долге и Путях.

– Прекрати, – Ольга поморщилась. – Всё далеко не так ужасно, как ты себе вообразила. Будем заниматься в разных залах, только и всего. Да и тебе будет полезно. Сама ведь на последней тренировке смотрела на меня, аки на гремучую змею.

– А ты видела себя в зеркале? Когда я встаю с тобой в пару, у меня возникает ощущение, что сейчас ты убьёшь меня – и даже не заметишь. Ты улыбаешься, а я дрожу, как пойманный кролик. Раньше я считала это паранойей, пыталась бороться... но два дня назад ты показала, насколько мои страхи оправданны.

– Самые последние новости! – продавец газет на лимонно-жёлтом мотороллере лихо затормозил у края тротуара. Красно-жёлтая накидка, синие джинсы и зелёная кепка делали его похожим на крикливого попугая. Он с профессиональным восторгом размахивал свежим номером. – Вооружённые бандиты грабят ювелирные магазины! Убиты два охранника! Яхта Сато Масакацу потерпела крушение! Читайте подробности!

Обе девушки невольно рассмеялись.

– Понятия не имею, кто такой Сато Масакацу. Но газету куплю. – Ольга извлекла из кошелька полторы сотни иен и расплатилась. Потом пихнула Наталью в бок: – А теперь быстро бежим отсюда, пока торговцы со всей округи не приняли нас за лёгкую добычу. Не то начнётся бедлам не хуже, чем на Гиндзе в Токио!

Подруги бодрым шагом направились дальше. Однако изображать бодрость оказалось нелегко. Солнце обливало плечи и головы расплавленным золотом. Казалось, оно выжгло весь воздух. Мимо на бешеной скорости проносился транспортный поток, причём машины то и дело сигналили. С балкона напротив ошалевший от жары зазывала выкрикивал в мегафон призывы посетить салон красоты.

– Ещё немного, и я рехнусь! – взмолилась Наталья через два квартала такой ходьбы. – Слушай, вместилище самурайских добродетелей, как ты-то это выдерживаешь? Да ещё без головного убора!

– Фамильное упрямство. У тебя есть предложения?

– Давай, что ли, в кафе зайдём! Хоть немного остынем!

– Уговорила.

Ближайшим кафе оказалось небольшое заведение под вывеской, начертанной латиницей: «Рах Americana». Оно располагалось в сверкающей стеклом многоэтажке, но внутри было оформлено в стиле салуна на Диком Западе. Насколько владелец кафе представлял себе этот самый салун.

– Впечатляет, – заметила Ольга, разглядывая висящую над стойкой пластмассовую бычью голову с выпученными красными глазами. – Такая внушительная изюминка интерьера!

– По крайней мере, здесь прохладно.

– Добрый день, мисс. Что вы будете заказывать? – по-английски обратился к ним бармен, одетый на манер ковбоя из комиксов.

– У вас есть апельсиновый сок? – по-японски отозвалась Наталья.

Бармен озадаченно нахмурился.

– Вы владеете японским? Прошу меня извинить. Только сок? А вам? – он повернулся к Ольге.

– То же самое, пожалуйста.

Как ни странно, зал кафе был почти пустым. Только у стены оживлённо беседовала компания служащих, каждый за своим бэнто. Да в дальнем углу, согнувшись чуть ли не вдвое, сидела какая-то помятая личность. Взяв стаканы, девушки расположились за столиком и развернули газету, уткнувшись в неё вдвоём.

Газета называлась «Акебоно Симбун». Первую страницу почти полностью занимало интервью с местным градоначальником, вторую – история Сато Масакацу, оказавшегося актёром театра, и его яхты, посаженной на мель в процессе светской вечеринки.

– Похоже, все народы переводят бумагу на одни и те же глупости, – Наталья потянулась. – Ради такого даже не хочется разбирать иероглифы. А что там с ювелирными магазинами?

Ольга ткнула пальцем в криминальную хронику.

– Ограблены три крупнейших. В одном из них застрелены два охранника. Похищено 9783 ювелирных изделия – точность изложения просто поражает. Затем идёт пикировка между полицией, не желающей давать сведения, и репортёрами, требующими информации. Куча обтекаемых фраз без малейшего смысла. «Жители города обеспокоены растущей активностью преступных группировок» и так далее.

– И кто утверждал, что Япония – самая безопасная страна в мире?

– Ну, в Москве этому сообщению уделили бы три строки на последней странице. Кого у нас удивит вооружённым ограблением? Давно привыкли.

– Вот ещё раскрыты какие-то махинации с рыболовными доками. Наверное, примерный аналог наших «споров хозяйствующих субъектов». Но тут я не очень понимаю суть. А это...

– ...уже местная специфика. «Рано утром 12 июля в Западном парке совершил сэппуку господин Камияма Хидэо, в прошлом известный биржевик. По сведениям корреспондента, это связано с финансовыми затруднениями покойного. Полиция предпринимает усилия по поиску человека, выступившего в качестве его кайсяку».

– И тут Камияма Хидэо! – в сердцах воскликнула Наталья. – Сколько можно?

– А вы знали г-господина Камияму? – раздался запинаящийся голос у неё над ухом. Помятый тип из дальнего угла наклонился над ней, опираясь на спинку диванчика, чтобы не упасть. – Впрочем, откуда вам знать. Вы же... г-гайдзины! Он был... настоящим мужчиной! Настоящим японцем! Он был моим другом, вы слышите? А я... – незнакомец внезапно разразился пьяными слезами и тяжело плюхнулся за столик, не спрашивая разрешения.

Наталья брезгливо отодвинулась. От пришельца разило, как от винной бочки. С минуту тот сидел неподвижно, потом неловко извлёк из кармана страницу «Акебоно Симбун» с кри-

минальной хроникой, сложенную последней заметкой кверху. Всклипывая и водя пальцем по строчкам, он старательно перечитал её и заявил:

– Хидэо умер! Умер, слышите? Умер, как... самурай! Боги... Боги помогли ему умереть! А я... я подвёл его... я не смог... – человек снова заплакал. – И что мне теперь делать?

Ольга, прищурившись, смотрела на него с интересом, сочувствием и едва уловимой печалью.

– Да ничего. *Сиката га наи*. Здесь ничего не поделаешь.

– А ведь я обещал. Он надеялся на меня... Но я... Я заслуживаю только презрения. Как мне быть?

– Презрения – это точно, – резко ответила Наталья, окончательно выйдя из себя. – Вы ведете себя неприлично. Не сваливайте свои проблемы на посторонних людей. А как вам быть – вы должны знать и сами!

Тот отшатнулся, как от удара в грудь. Медленно поднял голову.

– Да, вы правы, – произнёс он тихо, но неожиданно чётко. – Я... знаю, как мне следует поступить. Благодарю вас за напоминание. Прощу меня извинить.

Мужчина встал и торжественно поклонился. Покачнулся, но сумел выпрямиться. Хмель с него слетел начисто. Его лицо разгладилось, стало строгим и ясным, почти вдохновенным.

– С вами я, кажется, рассчитался, – кивнул он бармену. – Сайонара.

– Сайонара, – негромко откликнулась Ольга. – Прощайте.

Мягко щёлкнула закрываемая дверь. Наталья залпом допила сок и откинулась на диванчике.

– Наконец-то. Не люблю алкоголиков.

Ольга задумчиво изучала дно своего стакана.

– Какова ирония судьбы! – вздохнула она наконец. – Впрочем, иной исход для него всё равно невозможен. Неужели ты так и не поняла, кто это такой?

– И кто же?

– Несостоявшийся кайсяку Камиямы Хидэо. И ты только что послала его на смерть.

– Я?!

– Словом можно убить ничуть не хуже, чем мечом, – терпеливо объяснила Ольга. – Припомни свою отповедь и его реакцию на неё. Тебе стоило бы лучше контролировать темперамент.

Наталья побледнела.

– Я сказала ему...

– ...что во-первых, он достоин презрения, а во-вторых, должен знать, как с этим быть. По сути, ты почти прямым текстом предложила ему умереть. – Девушка помолчала. – Вряд ли он станет откладывать дело в долгий ящик.

Побледнев ещё больше, Наталья рванулась было из-за стола. Ольга схватила её за руку, незаметно для окружающих выкручивая кисть.

– Сиди! – сурово приказала она. – Ты уже не в силах ему помочь. В утешение тебе скажу, что он всё равно бы покончил с собой, просто немного позже. Он боится, но стыд сильнее страха. Он не сможет жить с таким грузом. У него глаза мертвеца. Я не стала его останавливать, потому как это бесполезно.

– Отпусти, – выдохнула Наталья. – Мне больно.

– Боль – штука хорошая, – последовал хладнокровный ответ. – Здорово помогает в себя прийти.

Глядя на подругу почти с ненавистью, Наталья попыталась сорвать захват.

– Так ты руку покалечишь, – девушка разжала пальцы. – Я знаю только один способ освободиться из этого положения. Потом научу.

Наталья мрачно растирала запястье. Её порыв прошёл, оставив после себя лишь тоскливую безнадежность.

– А может, тебе показалось? – с надеждой спросила она. – Может, ты просто ошиблась?

Сочувствуя подруге, Ольга промолчала. «К сожалению, в таких вещах я не ошибаюсь», – подумалось ей.

Тем временем недавний собеседник россиянок поднялся на крышу многоэтажки. Подошвы сандалий прилипали к нагретому битуму. Но ледяной ком в животе не могла растопить никакая жара.

– Всё правильно, – сказал он себе. – Я обязан искупить вину перед Хидэо. Хватит увёрток. Медлить дальше... Стать пьяным посмешищем... Нет.

Пошарив по карманам, он отыскал ручку и написал на полях злополучной записки: «*Я виновен. Я не могу жить с таким позором!*» Руки дрожали, иероглифы кривились и разъезжались. Впервые за последние дни ему вспомнилась семья.

– Мияко, прости меня, – пробормотал несчастный, сдерживая рыдание. – Кими, сынок... пойми, пожалуйста. Я должен.

Сняв обувь, он сунул газету в одну из сандалий и придавил сверху бумажником. Босиком подошёл к краю крыши. Стараясь говорить твёрдо, произнёс куда-то в пространство:

– Я, Онимару Харуо, подвёл своего друга. Мое имя запятнано, и мне остаётся только одно. Хидэо-кун, я следую за тобой.

И полез через ограждение.

Нарастающий ужас иголкой впивался в сердце, мешал дышать. На миг тёмная волна затопила сознание, и Онимару, обжигая ладони, вцепился в накалённый солнцем заборчик. Но тут же яростно осадил себя и встал в полный рост на самой кромке. Глянул на ряды зданий, на путаницу портовых кранов, чёрную на фоне сверкающего океана. Ничего не увидел. Стиснул зубы и шагнул вперёд.

– Хаябуси-сэнсей пригласил тебя в свою школу?! – Сатоко была потрясена. – Такая честь... мне трудно поверить. Насколько я знаю, там никогда не бывало женщин, даже японок. Но ты уверена, что выдержишь их тренировки? По слухам, они занимаются по жесточайшим методикам, и традиции у них совершенно средневековые. Вряд ли в таком кругу станут делать для тебя скидки.

– Насчёт традиций меня уже предупредили. Проблема вовсе не в тренировках. Как, по-твоему, среагирует мужское самурайское общество на женщину-иностранку в своих рядах?

– Трудно сказать. Вариантов несколько. От насмешки и сдержанного неодобрения до открытой ненависти. Дружелюбия точно не жди. Тебя могут попытаться изгнать, или «нечаянно» изувечить. Говоря по чести, с них станется и убить.

– Возможно, поэтому Хаябуси-сэнсей и пригласил меня, – криво усмехнулась Ольга. – Дабы привести мышление учеников в соответствие с реальностью. Кроме того, конфликт позволит достоверно оценить, достойна ли я обучения – и можно ли меня потом без намордника выпускать к людям.

Рассмеявшись, Сатоко заметила:

– Знаешь, тебя ведь и в самом деле побаиваются. Ты всегда выходишь на татами с таким видом, будто ничего, кроме цели, просто не существует. Да что говорить о татами после случая с моим дядей...

– Неужели я настолько изменилась?

– Ты вообще не изменилась. Это и пугает, – улыбка Сатоко погасла. – Или срубить человеку голову для тебя обычное дело?

Отодвинув тарелку, Ольга свела брови.

– Сатоко-сан, если вы действительно так считаете, я немедленно покину ваш дом. И серьёзно подумаю, не избавить ли сей мир от своего присутствия.

С лица Сатоко схлынула краска.

– Орья-сан, простите, я обидела вас. Прошу меня извинить.

– Я не обиделась. Только спрашиваю: вы в самом деле так считаете?

Сатоко положила палочки, обошла стол и встала на колени.

– Пожалуйста, прости. Как мне исправить свою ошибку?

Вздыхнув, Ольга тоже опустилась на колени напротив Сатоко.

– Прости и ты меня. Мне не следовало говорить в таком тоне. – Она склонила голову. – Я живой человек. Но на Пути я не могу себе позволить лишних переживаний. Находясь во власти эмоций, невозможно действовать эффективно. Моя задача – спокойно делать необходимое, нравится оно мне или нет. И так же спокойно жить дальше.

В глазах Сатоко сверкнули слёзы.

– Мне... стыдно перед тобой. Ты всегда помогала другим. Рисковала ради меня... и ради моего дяди. Это мой страх нашептывает всякие кошмары. Страх перед твоим хладнокровием, твоей твёрдостью. Тебе, наверное, тяжело выслушивать подобные обвинения...

– Пустяки, – отмахнулась Ольга. – Со стороны мое поведение и впрямь выглядит жутковато. Но мне нельзя вести себя иначе. Особенно сейчас. Придётся быть бесстрастной, правильной, жёсткой и даже жестокой. А то, что я чувствую, не имеет значения. Между прочим, чайник уже вскипел.

Слегка поклонившись, Сатоко занялась чаем.

– Я двадцать семь лет занимаюсь боевыми искусствами, но равных тебе по духу видела мало. И в основном среди мастеров, а не мелочи вроде нас. А ты всего лишь третий дан, что в айкидо, что в иайдо, и в технике дыры встречаются, и ноги плохо гнутся, но смотришь тебе в лицо – и видишь мировую гармонию на грани жизни и смерти. Откуда ты такая взялась, Серинова-сан?

– Из России приехала. – Ольга складывала тарелки в посудомоечную машину. – Большое спасибо за комплименты, но ты, несомненно, преувеличиваешь. Объяснишь мне потом, как добраться до предместья Акэгава?

– Это автобусом нужно ехать. Дорога часа полтора займёт. Скажи, а если Хаябуси-сэнсей сочтет тебя недостойной?

Ольга выразительно провела ребром ладони по горлу.

– Вперёд, в семнадцатый век! – засмеялась она. – Впрочем, не думаю, что до такого дойдёт.

Сатоко медленно отставила в сторону чашку, которую держала в руках, и прямо посмотрела на подругу.

– Ничего себе! И ты... готова?

– Конечно.

– Тебе следовало родиться в Японии, – заключила Сатоко. – У нас любят сумасшедших с самоубийственными наклонностями. Боевые искусства ты явно ставишь выше, чем жизнь, и с удовольствием распишешься в этом собственной кровью. Никаких проблем.

– Ну, одна проблема тут всё-таки есть.

– Да? И какая же?

– У меня отвратительный почерк.

Мгновение девушки сверлили друг друга взглядами, а потом дружно расхохотались.

– Хаябуси-сама будет в восторге! – выдавила Сатоко сквозь смех.

– Интересно, а как ты поступила бы на моём месте?

– Одиннадцать поколений моих предков были самураями. Не принять предложения вроде этого я попросту не могу, не потеряв лицо. Но открыть тебе страшную тайну? Я искренне надеюсь, что мне никогда подобного не предложат.

– Почему? – удивилась Ольга.

– Я хочу не только сражаться, но и жить. По-человечески, а не в полном самоотречении. Хочу ходить по земле, смеяться с друзьями, развлекаться с любовником... и нормально тренироваться. Надеюсь, в своё время я приму смерть не хуже прочих. Но не имею желания делать её обыденной частью быта. Как, я сильно упала в твоих глазах?

– Нисколько. Каждому своё, Сатоко-сан. Я благодарна тебе и очень ценю тебя такой, какая ты есть. Да, предельное совершенство можно обрести только в предельных испытаниях. Мне не о чем сожалеть. Однако мой Путь – не единственный. А мир красив именно своим многообразием.

– Но всё-таки ты слишком сильно рискуешь. В Хаябуси-сэнсее можешь не сомневаться. Он прекрасный учитель, благородный человек и вообще самурай до мозга костей. Он не требует от нас и десятой доли того, что требует от себя. Своими глазами видела, как он выходил на татами со сломанной рукой. По его словам, человек имеет право на слабость, но буси – никогда. Судя по всему, нашу группу, в которую я привела вас с Натой, он всё-таки относит к категории людей. Но ты... Если он счёл тебя буси, не жди от него милосердия. Тебе придётся или стать идеальным воином, или погибнуть.

– О столь достойном выборе я даже не смела мечтать. Но называть меня буси? Конечно, в моем в роду тоже сплошные военные. Но ни одного японца.

– Да разве речь о происхождении? Впрочем, хватит догадок. Может, Ната-сан хотя бы чаю выпьет?

– Оставь её. Пусть посидит в одиночестве. Или загляни к ней после того, как я уйду. Тебя она сейчас ещё стерпит, а вот меня вряд ли.

– Расскажешь всё-таки, что случилось?

– Мы по дороге зашли в кафе – слегка остыть и заодно прочесть газету. Когда мы добрались до заметки о Камияма-сане, к нам подсел некий мужчина, пьянее квакши в весеннюю пору. Он громко оплакивал своего друга Хидэо – и проклинал себя за нарушенное обещание.

– Значит, это и есть...

– Несомненно. Он, конечно, не мог и представить, кого встретил, – Ольга сдержанно хмыкнула. – И вот, пока этот деятель изливал нам свои переживания, Ната возьми и брякни, что он действительно позорит своё имя, и сам должен знать, как ему теперь поступать.

Сатоко вздрогнула.

– Зачем?!

– Её уже порядком перекосила эта история. А ещё ей очень несимпатичны пьяные. Но по мнению Наты, она всего лишь предложила ему оставить нас в покое и заняться своими проблемами самостоятельно. Ей и в голову не могло прийти, как собеседник может расценить её слова.

– А он?

– Он и впрямь знал, что ему делать, – грустно ответила Ольга. – И заливал вином ужас перед приговором собственной совести, в надежде как-то оправдаться перед собой. Я хотела остановить его... пока не заглянула ему в глаза. Бездёжная затея. В общем, он собрал остатки достоинства, поблагодарил за напоминание и торжественно откланялся. Конец ты, скорее всего, прочтёшь завтра в хронике происшествий.

– Как печально. Думаешь, он тоже...?

– Исключено. Не в таком состоянии. Кроме того, у него не настолько сильная воля. Он найдёт какой-нибудь более быстрый и менее болезненный способ. Вернее, уже нашёл. До чего же безумными бывают людские обычаи! – в голосе Ольги внезапно прорвалось отвращение. –

И ведь следуют им, и считают правильным! Это второй человек за минувшие три дня, кого я проводила на тот свет, не в силах спасти. Причём оба ушли крайне по-дурацки. Сделали глупость, потом ещё одну, а потом решили, что всё это несовместимо с честью. И гордо совершили главную глупость. Последнюю.

Издёвка задела Сатоко.

– Можно подумать, ты сама сильно отличаешься от них.

– Верно. Не отличаюсь. И однажды пойду на смерть, хохоча над собственным клиническим идиотизмом. Но я никогда не отступаю от своих принципов. И никогда не жалею о совершённом.

Сатоко сосредоточенно разливала чай.

– Ну, а как же Ната? Она потом догадалась?

– Мне пришлось объяснить ей. И силой удержать от попытки немедленно броситься следом. С чего она, по-твоему, так на меня оскорбилась? Её не утешил даже тот факт, что наш случайный знакомый и так был обречён с того момента, как согласился на предложение Камиямы-сана.

– Почему? Если б он исполнил обещание...

– ...то покончил бы с собой из-за ошибки при ударе, или из чувства вины за убийство друга. Понимаешь, при такой неуравновешенности трудно пережить роль кайсяку. С тем же успехом твой дядя мог его попросту пристрелить. Хотя вряд ли догадывался об этом.

– Ужасно. – Сатоко сложила ладони в молитвенном жесте; её губы шептали что-то неслышное. Потом она снова подняла взгляд. – Надеюсь, больше смертей не будет. Кстати, завтра похороны. Но вам, наверное, не стоит туда идти... из соображений безопасности.

– Пожалуй, ты права. Но зажги палочку от моего имени.

– Обязательно. Всё-таки ты жестоко обошлась с Натой.

– Раз она участвует в происходящем, ей придётся осознавать свои действия. И выдерживать их последствия. Она должна стать намного сильнее, чем сейчас. И сражаться ей стоит поучиться не только с дружелюбными партнёрами. Иначе я не поручусь за её жизнь и душевное здоровье. У меня к тебе личная просьба, Сатоко: гоняй её на тренировках, пока она с ног не свалится.

– Хорошо. К тому же здесь наши мнения совпадают, – Сатоко улыбнулась. – Она в последнее время делает себе поблажки. Да и мне стоит плотнее заниматься, пока совсем не расклеилась со своими поездками и проблемами.

– Да. А то вдруг твой таинственный Окинава-сан не узнает тебя при встрече? – подмигнула Ольга.

– Тогда я просто дам ему в глаз. С любовью. В полном соответствии с философией айкидо.

– Твоя визитная карточка! Второго такого чуда, как ты, не сыщешь по всей Японии! – и обе подружки рассмеялись, словно сбрасывая с себя тоску и скорбь.

В маленьком магазинчике на окраине предместья Акэгава Ольга с недоумением разглядывала кусок зелёного шёлка. «Интересно, зачем он мне понадобился?» – думала она. Но девушка доверяла своей интуиции. Расплатившись, она сунула свёрток в рюкзак и пересчитала оставшиеся купюры. Их едва-едва хватало на обратный автобус.

– Настоящий самурай презирает деньги, – съязвила россиянка. – Он пользуется кредитной картой.

Её кредитка лежала дома, чтобы в случае чего Наталья могла снять остаток наличности.

Ольгу переполняли веселье и странная лёгкость. Тело расслабленно скользило сквозь летний вечер, радуясь долгожданной прохладе. В ясном и собранном, как всегда, сознании вспыхивали искорки счастья.

Девушка знала, что идёт навстречу трудной, опасной и мучительной подготовке, право на которую ещё предстоит отстоять. И знала, чем всё в итоге кончится. Но отточенное лезвие Пути Воина составляло суть её бытия.

Дорога пересекала краешек парка, больше похожего на лес. Основная его часть взбиралась по склону горы, и где-то далеко вверху прятался синтоистский храм. Косые лучи солнца, проникая сквозь листву, ярко освещали белую одежду и русые волосы Ольги, делая её похожей на горящую свечу. В одном месте полотно асфальта сужалось, ныряя в небольшую ложбинку, потом расширялось снова. Здесь пышные заросли кустов подходили вплотную к обочине. «Хорошая точка для засады», – отметила россиянка.

Вскоре парк кончился. Миновав ряд коттеджей вполне европейского вида, значившихся на карте под номерами 6, 18, 11, 54 и 9, Ольга вышла к воротам дома номер 2, построенного в том же старояпонском стиле, что и жилище Сатоко, но куда больше по размерам. Часы показывали 19.55. Девушка подняла руку и нажала кнопку звонка.

Спустя минуту открылась калитка. В проеме стоял юноша лет семнадцати, с миловидным, почти женственным лицом, одетый в чёрные кимоно и хакама.

– Добрый вечер, – поклонилась россиянка. – Я – Селинова Ольга. Хаябуси-сэнсей оказал мне честь, пригласив меня сюда сегодня. Прошу извинить за доставленное беспокойство.

Юноша тоже согнулся в поклоне.

– Здравствуйте. Пожалуйста, простите мою медлительность. Меня зовут Иори. Мой отец приказал мне проводить вас.

Дорожку ко входу устилал мелкий белый песок. Слева от неё росла огромная сосна, справа – не менее внушительная криптомерия. Пройдя между деревьями, Ольга и Иори сняли обувь и ступили в дом. Юноша ненавязчиво указал, где оставить вещи, попросил россиянку немного подождать, ещё раз извинился и скрылся в глубине комнат.

Вскоре он появился снова, пригласив девушку следовать за собой. По узкой деревянной лестнице они поднялись на второй этаж. Перед фу-сума, обтянутыми светло-жёлтой бумагой, Иори опустил на колени:

– Хаябуси-сама ждёт вас. – Он негромко постучал и отодвинул створку.

Едва переступив порог, Ольга тоже встала на колени и поклонилась – предельно почтительно, коснувшись лбом пола и задержавшись в этом положении.

– Добрый вечер, Хаябуси-сэнсей. Позвольте мне, недостойной, со всем возможным уважением высказать вам искреннюю благодарность за это приглашение.

Тот обозначил ответный поклон, опустив глаза и едва заметно наклонив корпус.

– Добрый вечер, Серинова-сан. Спасибо, что пришли. Пожалуйста, садитесь сюда. – Он указал на подушку, лежавшую в полутора метрах от него. Снова коротко поклонившись, девушка поднялась, прошла к своему месту, приняла официальную позу «сэйдза» и отвесила третий поклон, на этот раз неглубокий. И откинулась на пятки, положив руки на колени ладонями вниз.

Сэнсей слегка склонил голову. И неожиданно улыбнулся:

– В вашем исполнении эти церемонии выглядят несколько странно.

– Прошу меня простить, но до сих пор я не имела возможности изучить тонкости высшего японского этикета.

– Для иностранки, не изучавшей тонкостей, вы справляетесь весьма неплохо. Но вы слишком горды для столь скромного поведения.

Ольга молчала.

– Понимаю, я ставлю вас в несколько неудобное положение. Тем не менее, нам обоим необходимо прояснить некоторые вещи. Я прошу говорить со мной прямо и честно. Дело слишком серьёзно, чтобы прятаться за вежливыми оборотами. Со своей стороны обещаю вам то же самое. Итак, насколько я понял, вы в Японии уже около двух месяцев, и всё это время с

утра до вечера занимаетесь айкидо и иайдо. Сколько ещё вы собираетесь здесь оставаться и на какие средства?

– У нас двухлетние визы, – ответила Ольга. – Но, хотя Корэмицу-сан оказала нам неоценимую помощь, поселив у себя, наших скромных сбережений хватит не более чем ещё на полгода. Лично мне не составит труда задержаться на больший срок, но лишь в том случае, если я найду заработок. «И если доживу», – улыбнулась она про себя.

– А кто вы по профессии?

– В России я преподаю айкидо. И пишу книги о природе.

– Ваш муж тоже занимается боевыми искусствами?

– Он археолог. Сейчас он в Китае, раскапывает поселения времён династии Тан.

– Но его не смущает ваш образ жизни?

Взгляд Ольги внезапно полыхнул сталью. Но голос остался совершенно бесстрастным:

– У него свой Путь, у меня – свой. Мы признаём друг за другом право им следовать. Будь это не так, мы бы давно расстались.

«Похоже, между мечом и семьёй она и впрямь выберет меч», – подумал Хаябуси.

– Вы готовы умереть, Серинова-сан? – спросил он резко.

– В любое мгновение, – спокойно отозвалась та.

– Возможно, вы не понимаете. Я спрашиваю не из абстрактного интереса, не из желания вас унижить или запугать. Если вы хотите заниматься здесь, то действительно должны быть готовы к смерти. Если хоть немного цепляетесь за жизнь – возвращайтесь в старую группу. Я разрешу вам продолжать обучение там.

На губах россиянки мелькнула лёгкая усмешка.

– Сэнсей, мне прямо сейчас перерезать себе горло в подтверждение своих слов?

– Сейчас – не стоит, – он тоже усмехнулся. – Вы даже не спросили меня, чему и как я собираюсь вас учить.

– Полагаю, вы расскажете мне всё, что сочтёте нужным. Но в данный момент я нахожусь там, где должна находиться.

Глаза Хаябуси заинтересованно сощурились.

– Вы уверены?

– Да.

Тот какое-то время пристально изучал её лицо.

– Вы жаждете узнать много такого, чему вам никогда не научиться обычным способом. Что ж... Моя школа, как и современное айкидо, имеет в основе Дайто-рю Айки-дзюцу. Также в неё входят некоторые техники стиля Ёсинкан и элементы других единоборств. Мы зовём её Генкай-рю, школой Предела. Это реальная боевая подготовка с минимумом условностей, и обучение очень жёсткое. Мы тренируемся в горах, на крышах и в промышленных зонах, работаем не только с дзё и боккенами, но и с реальным оружием. Помимо свободного спарринга, у нас практикуется защита от внезапного нападения. Любой ученик Генкай-рю может быть атакован другими учениками почти где угодно, исключая место работы, государственные организации и храмы. Разумеется, у подобных поединков есть ограничения, но не очень существенные. Если вы выдержите наши занятия, то станете идеально подготовленным убийцей... поэтому я должен быть более чем уверен в ваших моральных качествах.

Ольга сидела неподвижно, глядя прямо перед собой. Внимательная, предельно собранная. Никаких эмоций. Никаких сомнений. Ничего.

– Как вы понимаете, школа, подобная моей, не может быть открытой. Наши внутренние правила не менее суровы, чем само обучение. Полный феодализм и беспрекословное подчинение мне. Да, я никогда не отдам приказа, несовместимого с вашей честью. Но если вы хотя бы случайно запятнаете честь Генкай-рю, наказание будет только одно. Кроме того, войдя в столь замкнутый круг, вы его уже не покинете. – Хаябуси помолчал. – Наконец, последнее.

Средний уровень моих учеников весьма высок. Вы – третий дан айкидо. Женщина. Гайдзин. Вы окажетесь самой младшей по статусу, и даже это место вам придётся отстаивать. Вам никто не станет делать скидок – скорее наоборот. Или вы докажете своё право учиться здесь, или умрёте. Я бы посоветовал вам исходить из второго. Вы меня поняли?

– Да, сэнсей.

– И что вы на это скажете?

Ольга церемонно поклонилась, достав головой пол.

– Хаябуси-сама, я официально прошу вас принять меня в школу Генкай-рю. Я согласна со всеми предложенными условиями и возлагаю на себя все сопутствующие обязательства.

Сэнсей задумался. Несомненно, такой человек может стать ценным приобретением. Одно её появление изрядно встряхнёт всех. Вот только хватит ли у неё сил? Он внезапно ярко представил, как эта гордая девушка падает под смертельным ударом. Атакуй её кто-то из старших, ей не отбиться. Одной твёрдости духа там мало. И можно ли полностью доверять иностранке? О ней, в сущности, ничего не известно. Приехала. Тренируется. Живёт у Корэмицу.

«Тем не менее, ты сам пригласил её сюда, – напомнил он себе. – Несмотря на предупреждение, она хочет здесь заниматься. И вообще ведёт себя как самурай». Хорошо. Значит, она знает, что такое Путь самурая.

Хаябуси дважды хлопнул в ладоши. Почти сразу фусума раздвинулись, и на пороге появился Иори. Он безмолвно опустился на колени и отвесил краткий поклон.

– Накорми гостью, – распорядился его отец. – Дай ей возможность отдохнуть и привести себя в порядок. Если пожелает, пусть переоденется. Через час зайдёшь ко мне за инструкциями.

Юноша снова поклонился.

– Серинова-сан, оставляю вас на попечение Иори. Пока можете расслабиться. Я пришлю за вами.

Он кивнул обоим, легко встал и исчез за боковой ширмой.

Тонкий дымок сгорающих благовоний оставлял в воздухе странный дразнящий запах. Комнату заливал неяркий, непонятно откуда льющийся свет. Сложив ладони в ритуальном жесте, Ольга склонилась перед потемневшим от времени алтарём, указывая в потолок узелком волос, связанных на затылке. На ней были широкие складчатые хакама, косодэ и хаори, накинутые поверх. Японская церемониальная одежда. Мужская. Снежно-белого цвета.

Слева на помосте восседал Хаябуси-сэнсей в парадном самурайском костюме. Заткнутые за пояс мечи и жёсткие крылья катагину удивительно сочетались с его суровым, непроницаемым лицом. На тёмно-серой ткани ярко выделялись белые кружки с фамильным моно.

По обе стороны от учителя замерли двое мужчин средних лет, тоже с мечами, одетые лишь чуть менее формально. Они глядели на Ольгу с бесстрастным видом, но их внимание давило почти физически. Оба сохраняли позу «татэ-хидза» – сидя на левой ноге, с отведённым в сторону правым коленом. Так можно быстрее вскочить в случае необходимости.

Ещё один человек стоял у стены, взявшись за рукоять катаны. Судя по его взгляду, он боролся с желанием зарубить россиянку на месте и таким образом покончить со столь беспардонным нарушением традиций.

«Ситуация даже интереснее, чем я полагала, – холодно отметила девушка. – Похоже, я не зря облачилась в наряд смертника».

Не поднимаясь с колен, Ольга повернулась к учителю и с поклоном проговорила:

– Хаябуси-сама, в присутствии официальных свидетелей я со всем почтением прошу вас позволить мне заниматься в школе Генкай-рю.

И опять прикоснулась лбом к полу. Мысленно досчитала до десяти; потом медленно распрямилась.

– Иори-сан! – окликнул сэнсей.

Юноша вошёл в комнату и поклонился. В отличие от остальных, у него за поясом был только вакидзаси. Бесшумно ступая, он принёс небольшой столик и поставил его перед Ольгой. На столике лежал чистый лист бумаги; справа от него – тушечница и кисть, слева – короткий нож.

Проигнорировав тушечницу, Ольга подняла нож и уверенным движением надрезала себе запястье. Аккуратно протёрла лезвие собственной салфеткой, спрятала её в рукав и взялась за кисть.

Все молча смотрели, как она пишет, выводя иероглифы кровью вместо чернил. Россиянка не задумывалась над содержанием, заранее отточив каждое слово. Шедевра каллиграфии у неё не получилось, но текст был чётко, прямо и разборчиво. Начертав последний штрих, Ольга извлекла из-за пазухи печать со своим именем, провела ею по ране и приложила к бумаге.

Подошедший Иори забрал столик. Теперь девушка сидела прямо, держа в руках свой кеппан. С левого запястья на белоснежные хакама падали густые красные капли.

Стоявший у стены самурай внезапно рванулся вперёд. В полной тишине свист меча прозвучал неестественно громко. Воин остановил удар в самый последний миг, когда острая сталь уже рассекла кожу на шее Ольги. И застыл у неё за спиной, касаясь клинком свежего пореза.

Россиянка не шелохнулась.

«Интересно, что это должно символизировать? – отстранённо подумала она, ощущая, как за воротник стекает горячий ручеек. – Или тут чистая отсебятина? Впрочем, тогда бы он просто снёс мне голову. Ладно. Посмотрим».

Ольга взглянула в глаза учителю.

– Хаябуси-сэнсей, я прошу вашего разрешения принести клятву.

– Разрешаю, – ответил тот после недолгой паузы.

Ровный, ясный голос девушки разнесся по комнате.

– Я, Селинова Ольга, дочь Селинова Валерия, рождённая в России, клянусь всегда хранить верность школе Генкай-рю и её главе.

Я клянусь во всём подчиняться уставу школы и моему наставнику.

Я клянусь ни при каких обстоятельствах не ронять чести Генкай-рю.

Я клянусь никогда не обращать во зло свои знания и навыки.

Я клянусь не оставлять занятий, пока жива и способна тренироваться.

Я клянусь не обучать секретным техникам школы никого из посторонних без особого разрешения.

Интересы Генкай-рю да будут всегда выше моих собственных интересов.

Если я преступлю эту клятву, пусть карой для меня станет смерть.

Свернув бумагу, Ольга торжественно поднесла её ко лбу и заключила:

– Я принесла эту клятву по доброй воле и со всей ответственностью. Засим прошу принять её и позволить мне стать учеником Генкай-рю, – или же убить меня, как недостойную такой чести.

Последнего пассажа Хаябуси не ожидал. Она отрезала все пути к отступлению. Не только для себя, но и для него. Да и для всей школы тоже. Внезапно он понял, что Серинова-сан прекрасно контролирует происходящее. её внутренняя суть сверкала, как боевой меч за мгновение до удара.

А вот Тэруока Кэндзиро, держащий сейчас клинок поперёк шеи россиянки, смотрел на учителя едва ли не с мольбой. Претензии женщины, да ещё иностранки, на обучение в закрытой школе он считал издевательством над боевым искусством. Он вообще полагал, что женщинам в мужские дела лучше не соваться. Почему сэнсей допускает такой позор? Её просьба

об ученичестве больше напоминает требование. И она, похоже, не видит необходимости реагировать на занесённый над нею меч. Или для неё это театр? Цирк? Тэруока очень хотел, чтобы наставник ей отказал. Любопытно, что она запоёт, когда ей придётся умереть – по её же собственной просьбе. Будет забавно посмотреть, как она умирает.

Он вдруг ужаснулся собственным мыслям. Катана дрогнула в его руке, углубив рану на шее Ольги. Кровь потекла сильнее, пятная белую ткань причудливыми разводами. Но девушка словно и не почувствовала, сидя всё в той же позе. Молчание, казалось, сгущало воздух. Наконец, заговорил учитель:

– Серинова-сан! Я, Хаябуси Масацура, сын Хаябуси Юкиро, глава школы Генкай-рю, принимаю вашу клятву и признаю вас новым учеником. Вы начнёте заниматься с завтрашнего рассвета.

Тэруока хмуро вложил меч в ножны, запоздало вспомнив, что клинок следовало протереть. Но исправлять оплошность здесь было бы неуместно. Ольга низко поклонилась, потом, не вставая, переместилась к краю помоста и, вновь склонившись, протянула сэнсею бумагу с кеппаном. Тот взял её, развернул, пробежал глазами, свернул обратно и убрал в рукав. Повинуясь жесту наставника, девушка поднялась наконец на ноги, ещё раз поклонилась всем присутствующим и спокойно покинула комнату.

– И что вы о ней думаете? – спросил Хаябуси, обращаясь к сидевшим рядом с ним. Они только теперь перестали изображать статуи и сели свободно, скрестив ноги. Один из них отозвался:

– Если бы она была японцем, или хотя бы мужчиной, – можно было бы восхищаться выдержкой и твёрдостью этого человека. И считать удачей его появление в нашем кругу.

– А если принять реальность, как есть? Серинова-сан – не мужчина. И не японец.

– Тогда... тогда я просто ничего не понимаю.

– Доброе утро, Харада-сан. Что-то у вас сегодня неважный вид. Очень много всего навалилось?

– Пожалуйста, не беспокойтесь. Я две ночи не спал, меня воротит от кофе, однако работать ещё могу. Мои сотрудники выяснили интереснейшую вещь: из трёх комплектов отпечатков пальцев, которые удалось снять с витрин и камер сигнализации, два присутствуют в нашей картотеке.

Тамура легко опустился в кресло.

– Это большая удача, не так ли?

– Наверное. Вот только по нашим файлам эти два набора пальчиков принадлежат восьми разным людям. Один – пятерым, другой, соответственно, трём.

– Как такое могло получиться?

– Я вижу только два возможных варианта. Или кто-то поработал с нашей базой, или налицо развёрнутая операция прикрытия с использованием подложных документов. Ещё одна, самая сомнительная версия – накладки и перчатки с дактилоскопическим рисунком.

– Она хороша разве что для криминального романа. Как такое можно проделать?

– Сделать перчатки из подходящего пластика. Хотя на мой взгляд, это очень сложно и дорого. Есть и более примитивный способ – натуральная человеческая кожа с кистей рук.

– А её можно выделывать так, чтобы не затронуть рисунок?

– Теоретически. Ещё одна проблема – на пластике и мёртвой коже нет жирового слоя. Следовательно, в естественных условиях никаких отпечатков не получится. – Харада с силой потер виски. – Впрочем, изготовить поддельные документы куда проще, чем заниматься подобной чушью. Такие идеи появляются исключительно от недосыпания. Хотите для разнообразия хорошую новость? Кажется, мы нашли вашего кайсяку.

– Я что, уже нуждаюсь в кайсяку? – вяло хмыкнул Тамура.

– Ну, ещё пара недель такой работы... – Харада подавил зевок. – В общем, вчера в середине дня в квартале Токиюки обнаружили труп некоего Онимару Харуо. Он бросился с крыши. Предсмертную записку Онимару написал на полях заметки про инцидент с Камиямой Хидэо. Всего одна строка – что он виновен и не может с этим жить.

Тамура был разочарован.

– И это всё?

Харада вздохнул.

– Концентрация алкоголя в крови покойного составила почти 4 промилле. Иными словами, он был вглубую пьян. Риё-сан допросила персонал бара «Рах Америкапа» на первом этаже той многоэтажки. По их словам, малый три дня сидел у них и непрерывно пил, временами бормоча что-то про Камияму Хидэо. Бар круглосуточный, и он отлучился только один раз – купить «Акебоно Симбун». После прочтения которой с полчаса плакал в углу. По словам бармена, около часа того дня Онимару прицепился к двум девушкам-гайдзинам, читавшим ту же газету, и стал довольно бессвязно рассказывать им о Камияме и своей вине перед ним. Те слушали его терпеливо, но в конце концов одна из них сказала ему какую-то резкость. Тогда он очень вежливо распрощался с ними и вышел. Видимо, он покончил с собой сразу после этого разговора. По итогам экспертизы, смерть наступила около половины второго или двух. Он умер от остановки сердца, ещё не долетев до земли, как и большинство прыгунов.

– А девушки?

– Посидели ещё немного, разговаривая между собой. Говорили не по-английски. Потом ушли.

В сознании Тамуры шевельнулось странное подозрение.

– Что-то тут не сходится, Харада-сан, – сказал он после паузы. – Человек, способный хладнокровно и точно отсечь голову своему другу, вряд ли станет так надираться, рыдать и приставать к иностранкам. И даже пойдя на самоубийство, сделает это несколько иначе.

– Боюсь, увлечение средневековой историей играет с вами дурную шутку, Тамура-сан. Вы начинаете гоняться за призраками. В любом случае мы имеем превосходный повод закрыть дело. Если окажется, что вы правы, мы просто исполним последнюю волю покойного Камиямы, оставив в покое настоящего кайсяку. Мне от этого станет только легче спать, когда я всё-таки доберусь до постели. – Харада с тоской посмотрел на свой компьютер. – Но я сильно сомневаюсь в вашей правоте.

Возвращаться в город не было ни смысла, ни возможности. Последний автобус давно ушёл, а первый обратный приходил на станцию только к семи утра. Ночь Ольга провела в парке на берегу ручья, завернувшись в кусок теплоизолирующей плёнки, которую всюду таскала с собой вместе с ножом и аптечкой. Зелёный шёлк, наброшенный сверху, отчасти защищал от moskitov – и от посторонних взглядов. Что в свете последних событий было куда важнее.

Рассвет нового дня застал россиянку в додзё Хаябуси-сэнсея. Высоко подобрав хакама, вместе с Иори они занимались уборкой зала. Заканчивая протирать циновки, девушка заключила:

*Тряпки и щётки —
Вот мои инструменты
Постиженья Пути!*

Иори отчего-то залился краской. И, заметно, смущаясь, ответил:

*Я в восхищенье.
Воистину воину*

Скромность пристала!

– О, да вы тоже поэт! – улыбнулась Ольга и поклонилась юноше. – Я польщена. Искренне надеюсь, что в будущем вы позволите мне услышать и другие ваши стихотворения.

Иори покраснел ещё больше. Сейчас россиянка почувствовала его душу – и вдруг поняла, какой странной, одинокой жизнью он жил. Средневековые порядки в доме, жесточайшая дисциплина, вместо друзей – люди, увлечённые только боевыми искусствами, на два-три десятка лет старше него. Он поневоле стал частью замкнутого мирка, напрочь вырванного из современной реальности.

– Я хотел стать музыкантом... играть на саксофоне... – вырвалось у юноши неожиданно для него самого. – Но я никогда не посмею сказать об этом отцу... – Иори вскинул голову, глядя Ольге в лицо с отчаянной откровенностью. Потом взгляд его померк. Он медленно опустился на колени и уткнулся лбом в татами. – Прошу меня простить, Серинова-сан. Пожалуйста, забудьте мои слова.

– Нет, Иори-сан. Не забуду, – тихо ответила девушка. – Я зову вас по имени. Зовите и вы меня так же.

– Благодарю вас, Орья-сан.

Он поднялся и пошёл выносить воду, словно ничего не произошло.

Едва они успели закончить уборку, в зал стали заходить другие ученики. На поклон юноши все отвечали вежливым полупоклоном, поклон Ольги попросту игнорировали. Россиянка ничего не сказала, лишь едва заметно усмехнулась. Семь человек. Иори восьмой. Она – девятая.

Все молча сели в одну линию – девять фигур в чёрных одеждах, со спокойными, сосредоточенными лицами.

Ольга подняла взгляд на камидза. В нише висели два свитка, на каждом из которых было начертано по одному иероглифу. На левом свитке – «путь», на правом – «истина». Между ними на настенной подставке-катанакакэ покоился длинный меч в чёрных с серебром ножнах. Ниже были укреплены целых три ряда таких подставок, на которых лежало не меньше десятка дайсё, различавшихся как по длине, так и по оформлению. Самая верхняя в среднем ряду оставалась пустой.

Фусума скользнула в сторону, и вошёл Хаябуси, в сером, с двумя мечами. Ученики безмолвно склонились до пола. Встав на краю татами, сэнсей вынул из-за пояса катану в ножнах и поклонился, держа её в правой руке назад рукоятью. С достоинством приблизился к камидза, возложил оружие на катанакакэ, отступил на три шага и тоже сел в официальной позе. Согласно ритуалу, все снова коснулись головами татами, потом ученики обменялись поклонами с учителем.

Тренировка захватила, как вихрь. Уже разминка оказалась куда более жёсткой, чем привычная Ольге. Атаки, блоки, знакомые и незнакомые техники. С высокой скоростью, в полную силу, без малейшей формальности. Всей подготовки россиянки хватало лишь на то, чтобы избежать вывихов и переломов.

Лишь когда сэнсей стал показывать новый приём, она смогла перевести дух. И с удивлением обнаружила, что учеников стало на одного больше. Когда он успел появиться, девушка не заметила. «Большой минус для меня, – подумала она. – Если я продолжу ловить ворон, впору сразу ползти на кладбище».

Доставшийся Ольге напарник был ей знаком. Тот самый самурай, разукрасивший мечом её шею. Она улыбнулась ему, делая вид, будто не замечает ярости в его глазах. И атаковала, начиная отработку.

Как она и ожидала, противник ни разу не ослабил захвата, чтобы позволить ей уйти на страховку. Девушке оставалось лишь изгибаться совершенно невозможным образом, спасая

позвоночник от удара коленом. И благодарить Наталью, которая когда-то потратила два года, ставя ей гибкость.

Напарник и не скрывал стремления причинить Ольге как можно больше боли. В какой-то момент он остановился посередине движения, скрутив ей кисть так, что едва не порвал сухожилия. Ощущая, как огненная судорога сводит пальцы, девушка с трудом подавила желание двинуть его промеж глаз свободной рукой. Вместо этого она холодно заметила, не меняясь в лице:

– Вы не закончили технику.

Он отчётливо скрипнул зубами. И швырнул её на татами с такой силой, что вышиб воздух из лёгких. Тем не менее россиянка поднялась и встала в боевую стойку:

– Нападайте, пожалуйста.

Ольга смотрела на противника с насмешкой, почти с презрением. Тот помедлил, пытаясь совладать с собой, понимая, что теряет лицо, действуя подобным образом. Ему всё-таки удалось подавить эмоции.

Его атака была сильной, быстрой и правильной, словно по учебнику. Он готовился к ответной жестокости в исполнении приёма, однако девушка всё проделала чётко и аккуратно, дабы ненароком не покалечить.

«Я очень удивлюсь, если сегодня ночью ты не попытаешься меня убить», – мысленно сказала она ему.

Хаябуси бесстрастно созерцал эту сцену. «Она понимает, что приобрела смертельного врага? – спросил он себя. – Похоже, дело кончится кровью». Но вмешаться он не мог. Школе нужно устроить встряску, значит, Серинова должна разбираться сама. «Её гибель будет на моей совести», – мрачно подумал сэнсей.

Другая техника, смена партнёров. Новый противник разглядывал Ольгу без гнева, без жалости, спокойно и равнодушно. Работал он так же. Сразу поняв, насколько этот партнёр превосходит её искусством, девушка старательно следовала его молчаливым указаниям. В конце она поклонилась чуть ниже необходимого. С неподдельным уважением. И получила ответный поклон – первый за всё занятие.

Свободный спарринг свёл её с Иори. Только с ним россиянка могла сражаться более или менее на равных. Но дрался он так же свирепо, как и остальные, невзирая на боль и возможность травмы. Ольге приходилось выкладываться до конца. Они вели бой почти без ограничений, стараясь не допустить лишь серьёзных увечий, и искренне улыбались друг другу.

Определить победителя они бы не взялись и сами. Но когда прозвучала завершающая команда «Ямэ», глаза Иори лучились нескрываемым восторгом. На разбитый нос и распухшее запястье он не обращал внимания. Ольга тоже позволила себе порадоваться. Горящие огнём рёбра – невеликая плата за такой прекрасный поединок.

Повинуясь сигналу наставника, все снова сели вдоль края татами.

– Киёкава-сан! – резко окликнул учитель.

– Хай, – отозвался плотно скроенный мужчина средних лет.

– Вы опять опоздали, – констатировал Хаябуси с непонятым Ольге подтекстом.

– Да. Прошу меня извинить.

– Вы готовы?

С отчётливым напряжением во взгляде тот поднялся и вышел на середину зала.

– Да, сэнсей.

Хаябуси обратил к строю раскрытую ладонь. Пятеро сидевших первыми вскочили и всем скопом кинулись на Киёкаву. Он защищался как мог, однако о равенстве сил речи не шло. Происходящее больше напоминало избиение. Вскоре его сшибли с ног, но продолжали колотить без намёка на снисхождение. Только когда стало ясно, что встать и сопротивляться дальше он уже не сумеет, учитель остановил издевательство.

Киёкава с трудом поднялся на колени, придерживая правую руку, вывихнутую в двух местах. С заметным усилием поклонился, стараясь не показывать боли. И так, на коленях, вернулся в строй. Россиянка слышала его хриплое, тяжёлое дыхание. «Полное средневековье, – думала она, скрывая жалость за внешней суровостью. – Видимо, здесь такое в порядке вещей».

После заключительного ритуала Ольга с непроницаемым видом подошла к Киёкаве. Не тратя слов, она твёрдо взяла его за плечо и коротким ударом вправила сустав. Потом сжала локоть, поворачивая предплечье. Кость со щелчком вернулась в нормальное положение. Воин стоял неподвижно, стискивая зубы, чтобы не вскрикнуть. По его лицу невозможно было что-либо прочесть. Да девушка и не старалась.

Кивнув своему пациенту, она отправилась переодеваться. Следовало всё-таки добраться до дома, пока Сатоко и Наталья не начали всерьёз беспокоиться. Но взгляд в зеркало её озадачил. Во время тренировки рана на шее снова разошлась, залив кровью весь воротник. На виске красовалась внушительная ссадина. Левый бок над покалеченными рёбрами наливался вишнёвым и синим.

«Дальше будет хуже, – пожалала плечами Ольга. – Значит, придётся народ пугать».

Кое-как заклеив рассечённую шею остатками лейкопластыря из аптечки, девушка распустила волосы, прикрыв ими это безобразие. Авось сойдёт. Сложив форму в рюкзак, она закинула его на плечи и отправилась на автостанцию.

Очень спокойно Наталья отложила газету. Бессонная ночь и изматывающая утренняя тренировка стёрли с её лица всякое выражение. Бледная маска с синими тенями вокруг глаз и искусанными в кровь губами.

– Ольга была права, – бесцветно сказала она. – Вчера он бросился с крыши. Его звали Онимару Харуо.

Сатоко с участием взглянула на подругу.

– Не слышала о таком. Правда, одного я не понимаю. В статье его называли «кайсяку Камиямы Хидэо». Но ведь он не исполнил своего обещания. Да и как вообще журналисты связали Онимару с моим дядей?

Наталья слабо усмехнулась.

– О своей вине перед Хидэо он распространялся на весь бар. Подозреваю, мы не первые выслушивали от него эту историю. Кто знает, как её поняли другие слушатели? Только я оказалась настолько жестокой...

– Ты просто не знала наших обычаев.

– Знала, – тихо возразила Наталья. – Просто не потрудилась задуматься, прежде чем говорить. Конечно, Ольга говорила, что этот псих и без меня бы покончил с собой. Но всё-таки... именно я послала его на смерть.

– Ну и что?

Зрачки Натальи расширились. Она едва сдержалась, чтобы не сорваться. Только в очередной раз закусила губу, уже изрядно распухшую. её взгляд зацепился за кухонный нож, лежащий у мойки.

– Как у вас, японцев, всё просто, – прошептала девушка. – Раз – и никаких больше угрызений совести. Я начинаю вас понимать. Так действительно легче.

Сатоко подавила чувство бессилия, невольно завидуя железному самообладанию Ольги. Интересно, как та справлялась бы с ситуацией? И... где она до сих пор?

– Ната-сан, кончай ныть, – поморщилась Сатоко, изображая брезгливость. – Твоё самообразование абсолютно никому не поможет. Оплакивая всех безумцев нашего города, ты и сама с ума сойдёшь. Сделай выводы и живи дальше.

Наталья, не отвечая, задумчиво крутила в пальцах нож.

Призвав на помощь всю свою твёрдость, Сатоко взяла его у Натальи из рук, аккуратно помыла и убрала в шкаф. Потом сходила в другую комнату и принесла другой клинок – в традиционном стиле, с зеркально отполированным лезвием и удлинённой рукояткой.

– Возьми. Если ты вознамерилась перерезать себе горло, он подойдет гораздо лучше. Могу даже объяснить, как это правильно делается.

– Ты издеваешься?

– Я – нисколько. Раз ты не в состоянии нести груз собственных поступков, туда тебе и дорога. Так что хватит скулить. Или живи, как человек, или умри, как человек. Впрочем, ещё можешь по примеру вашего покойного знакомого пьянствовать в барах до полного освинения.

Глаза Натальи полыхнули бешенством. Она стиснула кулаки.

– Сатоко-сан, сейчас мне очень хочется разбить тебе физиономию.

Та бережно отложила в сторону нож. И невозмутимо ответила:

– Давай. Попробуй. Глядишь, и полегчает.

Долгое мгновение Наталья стояла напротив подруги. Казалось, сейчас она действительно кинется в драку. Однако девушка отступила. Зажмурилась и медленно выдохнула, опуская голову.

– Извини. Понимаю, я веду себя глупо, но... я пока не совсем справилась. Но я смогу. Не беспокойся.

– Ты меня напугала, – просто сказала Сатоко.

Наталья слабо усмехнулась.

– После твоей отповеди верится с трудом. Ты вправду стала бы объяснять, как совершить самоубийство... правильно?

– Конечно. Пребывающих в истерике подобная информация отрезвляет. А тем, кто решился, пригодится по прямому назначению.

– Да, вы с Ольгой друг друга стоите. Откуда ты-то такое знаешь?

Сатоко пожала плечами.

– Меня научила мать, когда я была подростком. В своё время на эту тему целые трактаты писали.

– Научила мать?! Господи, что вы за люди?!

– Люди как люди. Просто у нашего дружелюбия, законопослушности и привычки ставить коллектив выше личности есть и обратная сторона. На дворе XXI век, и мы можем создавать очередное «экономическое чудо», строить атомные станции и летать в космос, но потомки самурайских родов по-прежнему учат детей искусству сэппуку. Да и без него в Японии смерть – дело житейское. В том числе добровольная. Даже не пользуясь этим выходом, мы о нём помним. И я тоже в своё время изложила сыну всё до тонкостей.

– Потрясающе. Мне и представить такое дико. Учить детей технике самоубийства...

– Обычно эта наука помогает им жить долго и счастливо, – хмыкнула Ольга, входя в комнату. – Как прививка для психики, обременённой национальными японскими тараканами. Ну, или способ передать родовое безумие по наследству.

– Орья! Ты откуда?! Мы за тебя волновались.

– Из спальни. Прошу меня извинить, но я позволила себе немного подремать. Ночь и утро получились очень утомительными.

– Я не видела твоей обуви у порога.

– Вымыла. Сушится на веранде вместе с моей формой. Надеюсь, она успеет высохнуть до тренировки по иайдо.

– А вечером постирать было нельзя? – включилась в беседу Наталья.

– Вечером мне снова в Акэгаву. Кроме того, меня явно не поймут, заявись я на занятие в таком виде, будто только что с поля боя. Вы закончили со своей разборкой?

– В общем, да.

- Тогда предлагаю заняться чём-нибудь более осмысленным. Например, пообедать.
- Идея неплохая. Постой-ка, что у тебя на виске... и на шее?
- Следы бурных развлечений, – хмыкнула Ольга.
- Дай посмотреть.
- Я не хочу стирать ещё и эту рубашку.
- А ты её сними.

Ольга с усмешкой вынула из кармана резинку и связала волосы на затылке. И сбросила блузку, оставшись обнажённой до пояса.

Глянув на её тело, подруги побледнели.

– Кто тебя так избил?

– Таковы итоги первой тренировки. По меркам сей милой компании, сущие пустяки. Но школа того стоит.

По-моему, тебе не на иайдо, а в больницу надо, – буркнула Наталья.

– Зачем? Кости более или менее целы, суставы на месте. Неужели мне обращать внимание на синяки?

– Если ты продолжишь заниматься с такими маньяками, они тебя точно изувечат.

Ольга покачала головой.

– Нет. Могут убить, но не изувечат. Разве что совсем случайно.

– Вероятно, твои слова должны меня утешить, – Наталья яростно теребила пояс. – Подумаешь, убьют, какая мелочь! Как вы мне надоели со своими смертями! Один вспарывает живот, другой прыгает с крыши, третья... Нормально, правда? Я чувствую себя загнанной в угол. Я кричу, что не в силах этого выносить, а Сатоко услужливо протягивает мне нож. Или впрямь единственный способ избавиться от кошмара – покончить с собой?

Брови Ольги сошлись на переносице.

– Можно ещё принять всё как данность и не морочить голову себе и окружающим. Ты оказалась среди людей, для которых Бусидо – не исторический анекдот, а норма жизни. И они ей следуют в меру своих способностей, решимости... или даже глупости. – Её голос звучал сурово. – Наталья, я предупредила тебя однажды, предупреждаю ещё раз. Последний. У тебя сейчас два выхода. Первый: прекращай переживать, становись на Путь и в дальнейшем следуй правилам и логике ситуации – признаю, довольно жестоким. Второй: покупай билет и возвращайся в Россию. Там тебя никто не станет мучить.

Не отвечая, Наталья медленно обошла Ольгу и осторожно сняла с её шеи окровавленный лейкопластырь. Хмуро посмотрела на рану.

– От чего она?

– Догадайся.

– Неудачная попытка тебя зарубить? – предположила Сатоко.

– Метка на память о церемонии посвящения. Как ты и предсказывала, ко мне отнеслись весьма агрессивно.

– Похоже, тебе сказочно повезло.

– Мой новоиспечённый враг владеет мечом куда лучше, чем я. Он без труда мог меня обезглавить. Но всё-таки не решился совершить убийство в доме Хаябуси-сэнсея, перед учителем и старшими учениками. И ограничился такой демонстрацией отношения к нехорошей женщине-гайдзину.

– А он не попытается подстеречь тебя в тёмном переулке? – спросила Наталья, разыскивая в шкафу аптечку.

– Наверняка попытается. Вероятно, и не один. Так что настоящая битва для меня ещё впереди.

– Ты же погибнешь!

– Возможно.

Наталья не нашлась с ответом. Только выложила на стол перевязочный набор, пинцеты и хирургические иглы. Тоскливо поглядела в окно. И тихо вышла из комнаты.

Сатоко вздохнула.

– Орья-сан, ты истинный самурай. Мужество, хладнокровие и ни капли благоразумия. Пожалуйста, подожди, пока я простерилизую инструменты. Твою рану надо зашить.

Тэруока Кэндзио сидел на камне и мрачно смотрел под ноги. Рядом весело журчал ручей, в ветвях деревьев шелестел ветерок, но воину не было дела до великолепия природы.

Он чувствовал себя оскорблённым. Увлечение древними традициями и напряжённое обучение в Генкай-рю лишили его всякого интереса к иностранцам и иностранному. Не говоря уже о симпатии. Тэруока привык не замечать гайдзинов, когда те встречались ему на улицах. Но в тех редких случаях, когда с ними приходилось сталкиваться вблизи, ему стоило больших усилий скрыть свою неприязнь. Что до женщин, то он считал их едва ли не выходцами с другой планеты. Они должны воспитывать детей и доставлять удовольствие мужчинам, а об их судьбах и устремлениях он ничего не знал и не хотел знать. Ещё в три года Тэруоку бросила родная мать. Он вырос в уверенности, что весь женский пол таков же.

И тут в школе, служившей ему убежищем от невзгод и безобразия мира, в единственном приюте настоящего самурая появляется... она. Серинова Орья, так, кажется. И вдребезги разбивает его внутреннюю гармонию. Тэруока дважды пытался показать ей её настоящее место... и оба раза она игнорировала его потуги. Холодное безразличие со стороны заведомого ничтожества унижало больше всего. Хотя он сознавал, что сам выставил себя в неприглядном свете, позволив себе сорваться. Хаябуси-сэнсей смотрел на него с явным неодобрением. Зачем учитель привел эту сумасшедшую? Давно Тэруока не знал такой ненависти. Боги Небесной горы, как ему теперь быть?

«Мне стоило снести ей голову тогда, на церемонии», – угрюмо подумал он. Однако тогда... он осквернил бы кровью дом наставника. Неминуемые разборки с полицией поставили бы под угрозу само существование Генкай-рю. Смерть – очень малое воздаяние за подобное преступление.

Но школу нужно избавить от позора. Позор лежит и на нём самом. Как жить обесчещенному самураю? У него только один путь.

«Я должен изгнать её отсюда, – решил Тэруока. – Нет, этого мало. Я должен её убить. Подстеречь где-нибудь ночью в парке. А потом...»

Взгляд против воли упёрся в живот. Ледяной холод стиснул сердце, растёкся по позвоночнику. Единственный достойный исход. Но для него всё кончится. И... будет невероятно больно.

– Проклятье! – прорычал Тэруока в бешенстве. – Подумать только, мне придётся умереть из-за какой-то заезжей девки!

Четырнадцать мечей единым движением вылетели из ножен и взвились в красивом косом ударе. Взмах, поворот, скольжение в сторону – и клинки снова скрылись, словно по волшебству. Кояма-сэнсей смотрел удовлетворённо. Ещё много работы, но прогресс уже налицо.

Дождаясь товарища, с балкона за тренировкой следил Хаябуси. Он сразу отметил среди черноволосых макушек русую и каштановую. Две россиянки, а рядом с ними – Корэмицу Сатоко.

«Серинова-сан здесь, – удивился он. – И не проявляет ни боли, ни усталости. Хотя на тренировке ей сильно досталось. Или она выносливее, или упрямее, чем я предполагал».

Как и остальные, девушка сосредоточенно отрабатывала ката. Клинок выглядел естественным продолжением её руки и воли. Мало кто способен настолько слиться с оружием. Трое таких состояли сейчас в Генкай-рю. А ещё одним был его старший сын. Мёртвый сын.

Хаябуси вспомнил его глаза, когда он просил позволения отстоять честь школы. Спокойные глаза человека, отдающего жизнь, не считая её значительной жертвой. Серинова-сан смотрит так же. И тоже вскоре умрёт.

Сэнсей беззвучно застонал. «Тебя хватило на то, чтобы ради Генкай-рю послать на смерть собственного сына. Поступив аналогично с малознакомой россиянкой, ты даже не поморщишься. Но зачем она согласилась?»

В кармане пискнул мобильник. Хаябуси отключил звонок, быстро спустился в холл и нажал кнопку принятия вызова. Звонил начальник полицейского управления.

– Добрый день, Хаябуси-сан, – голос в трубке звучал очень вежливо, почти заискивающе. – Я счастлив услышать ваш голос. Процветает ли ваша школа? Надеюсь, дела в полном порядке?

– Здравствуйте, Сакагами-сан. Всё хорошо, спасибо. Чем могу служить?

– Мы не виделись больше года. Не окажете ли вы мне честь встретиться со мной лично? Появились вопросы, которые я хотел бы с вами обсудить. Заранее прошу прощения за беспокойство.

Хаябуси подумал.

– Вас устроит встреча завтра, в два часа дня, в ресторане «Аюми»? Он в двух шагах от Управления, и кухня там превосходная.

– Прекрасно. Благодарю вас за любезность. Я немедленно закажу столик.

– В таком случае, до завтра, Сакагами-сан.

– До завтра. Ещё раз прошу меня извинить.

Нахмурившись, Хаябуси подошёл к окну. Зачем он понадобился начальнику полиции? Если судить по его тону, тот почти в отчаянии. И есть лишь одна категория проблем, из-за которой он мог обратиться к главе закрытой, по сути полуподпольной Генкай-рю.

Пальцы почти машинально набрали номер.

– Здравствуйте, сэнсей, – раздалось в трубке.

– Добрый вечер, Тамура-сан. Изложите мне, пожалуйста, ситуацию в городе. Не трудитесь пересказывать содержание газет – я их читаю.

Голос инспектора на мгновение запнулся.

– Вы позволите перезвонить вам через пять минут?

– Хорошо.

Четыре минуты спустя телефон снова пискнул. Из микрофона доносился уличный шум – видимо, Тамура выскочил из здания участка, чтобы поговорить.

– Все пострадавшие магазины принадлежат фирме «Хосэки Хэйан». Похоже, дело куда сложнее, чем обычное вооружённое ограбление. Правление фирмы в панике. По нашей базе, два комплекта отпечатков пальцев грабителей принадлежат восьми разным людям. Третий не идентифицирован вообще. Налицо сложное прикрытие. Один из этих комплектов, как удалось выяснить, реально соответствует пальцам Акиты Соити, уже более года сидящего в тюрьме.

– Акита Соити?

– Да. Он, конечно, мелкий карась... но прямо указывает на Чёрную Рыбу.

Хаябуси окаменел. С крупнейшим криминальным авторитетом города у него были свои счёты.

– Сколько всего магазинов у фирмы «Хосэки Хэйан»?

– Пять.

– Полиция, без сомнения, выставила охрану у двух оставшихся?

– Да. По настоянию президента «Хосэки Хэйан» мы сейчас ведём дополнительное наблюдение за всеми.

– На месте вашего руководства я скорее бы обратил внимание на высокопоставленных сотрудников фирмы и их родню. Кто-кто, а Чёрная Рыба не станет дважды подряд бить в одну цель. Какие ещё происшествия?

– Парочка странных самоубийств.

– Вы имеете в виду сэппуку финансиста и последующий прыжок с крыши его кайсяку?

– Именно. Удар, нанесённый биржевику, почти совершенен. Кроме того, обезглавивший его человек не оставил никаких следов. Тот прыгун написал в предсмертной записке: «Я виновен», и мы официально закрываем дело. Однако я не верю, что проявивший такое искусство способен потом три дня пьянствовать, а сводя счёты с жизнью, умереть от ужаса на середине полёта. Концы не сходятся. Кстати, в обоих случаях на месте происшествия оказывались две девушки из России. Я проверял. Одна из них – обычная впечатлительная особа. Зато вторая ведёт себя похлеще иного буси. Её зовут Селинова Ольга. Никогда не встречал у женщин такого хладнокровия. Кроме того, она...

– Можете не описывать, – усмехнулся Хаябуси. – Я знаю обеих. Они тренируются у меня.

– У вас, учитель? Они занимаются айкидо? Какой же у них уровень?

– Обе аттестованы на третий дан. Как и в иайдо. Но, как вы сами прекрасно знаете, сама по себе аттестация ни о чём не говорит. Есть ли на них какая-то компрометирующая информация?

– Никакой. В парке они гуляли, а в баре пили сок и читали газету. С самоубийцами сталкивались случайно. Собственно, так называемый кайсяку вообще прицепился к ним сам. Побеседовал, вежливо раскланялся, вышел на улицу – и немедленно покончил с собой.

– Понятно. Тамура-сан, почему вы уже больше месяца не появляетесь в додзё? – резко сменил тему Хаябуси.

– Работа. Более того, я не могу сказать, сколько ещё продлится такое безобразие. В общем, когда я всё-таки появлюсь, ставьте меня перед строем, – в трубке послышался смешок. – Я заслужил.

– Непременно учту ваше пожелание. Ну что ж, спасибо за информацию. До свидания.

– До свидания, сэнсей.

Занятие уже закончилось, и переодевшиеся ученики поодиночке и группами пересекали холл и исчезали за дверью. Последней появилась знакомая троица – Корэмицу Сатоко с двумя россиянками. Увидев учителя, все трое согнулись в учтивом поклоне.

– Добрый вечер.

Хаябуси кивнул, думая о своём. Ольга с Сатоко направились к выходу; Наталья же, точно споткнувшись, остановилась перед наставником.

– Я не имею претензий к вам лично, – негромко проговорила девушка. – Но если с Ольгой что-то случится, вам придётся иметь дело со мной. И далеко не на татами.

За ровным, обыденным тоном скрывалась яростная, отчаянная решимость. С точки зрения здравого смысла угроза Натальи напоминала наскок воробья на ястреба. Но Хаябуси смотрел на неё с уважением. В тени подруг её так легко было недооценить...

Без гнева, без насмешки сэнсей ответил:

– Благодарю за предупреждение, Воротова-сан. Однако вы должны больше работать над самоконтролем. И меньше щадить себя. Завтра на тренировке я подойду к вам.

Наталья поклонилась и вышла в лёгкой растерянности, пытаясь осмыслить слова наставника. Как их следует понимать? И что делать дальше?

– Когда не знаешь, что делать – не делай ничего, – пожала плечами Ольга, когда Наталья, смущаясь, рассказала о причине задержки. – Значит, ты выбрала.

– Ты о чём? – удивлённо спросила Сатоко.

Ольга пояснила:

– Единственный практический смысл выходки Наты – сжечь за собой мосты. Как ты помнишь, я вчера советовала ей или уехать в Россию, или принять те правила игры, которым мы в последнее время вынуждены следовать. То есть шагнуть из XXI века в средневековье, признать Бусидо руководством к действию и рассуждать трезво и холодно, пусть даже вокруг обрушатся небеса. Заделавшись моим телохранителем, она избрала второй путь.

– Я долго думала над твоим предложением, – вздохнула Наталья. – Мне безумно хотелось вернуться в Москву и навсегда забыть эти дикие события. Но... тогда придётся всю жизнь помнить, как я испугалась. Отступила. А если ты останешься здесь и погибнешь... Короче, я никуда не поеду. Будь что будет.

– Ясно. Тогда не жалей. Никогда. Ни о чём. Пускай даже придётся драться, убивать, творить чудовищные вещи – всё равно не жалей. И не связывай свою жизнь с моей. У тебя есть своя. Вот и оставайся собой.

– Рекомендация для маньяка, – хмыкнула Сатоко.

– Или для самурая, – отпарировала Ольга. – Что, в сущности, одно и то же.

– Ты довольна моим решением? – вопрос Натальи прозвучал как-то несмело. Словно она тайне молила о поддержке.

Губы подруги искривила странная полуулыбка, одновременно горестная, весёлая и язвительная.

– Добро пожаловать в клуб самоубийц, Ната-сан! – Ольга стиснула её в объятиях, игнорируя удивлённые взгляды прохожих. Повреждённые рёбра полыхнули болью. – А вот и автобус в Акэгаву. Пожалуйста, прихвати домой мой иайто. Там он мне не понадобится.

Наталья машинально взяла серый потёртый чехол.

– Значит, ты вернёшься завтра днём? – уточнила Сатоко, явно имея в виду совсем другое.

– Может, и не вернусь. Не надо меня ждать. И надеяться – тоже не надо. *Сайонара*.

– *Сайонара*, Орья-сан.

Вторая тренировка в Генкай-рю показалась Ольге в тысячу раз тяжелее первой. Утомлённое, избитое тело отказывалось повиноваться – и в итоге получало новые травмы. Атаки, блоки, броски сменяли друг друга с невероятной скоростью, рисуя перед глазами алые круги и звёзды. «Когда кончится эта пытка?» – застонала она про себя. Но её лицо оставалось спокойным. «Похоже, у тебя нет сил даже на гримасы, – мелькнула у неё едкая мысль. – Ты расклеилась из-за нескольких синяков – а ведь скоро придётся биться всерьёз! Встряхнись и работай!» Она засмеялась – и отточенным, мощным движением уложила своего противника на татами. Тот мгновенно откатился в сторону, вскочил и ударил снова. Занятие продолжалось.

Киёкава в зале не появился. Видимо, два вывиха всё-таки считались уважительной причиной для отсутствия. Но в итоге россиянка осталась без пары для спарринга. И тогда Хаябуси-сэнсей встал против неё сам.

Запредельным усилием воли Ольга вышвырнула боль и усталость за пределы сознания. И ринулась в бой, словно в штормовое море. Стараясь попутно совершить невозможное – запомнить поединок в деталях. В его исходе сомневаться не приходилось. Тем лучше. Можно не бояться покалечить партнёра. Учитель наглядно показывал, как обратить себе на пользу жесточайшее нападение или удачную контратаку. Причём выбирал такие приёмы, которые можно понять и применить сразу, без длительной отработки. Тут же давал возможность повторить их, – а потом молниеносно сбрасывал Ольгу на пол из, казалось бы, безнадёжного положения. Останавливаясь точно за миг до того, как нанести ей увечье.

Только сгибаясь в заключительном поклоне, россиянка осознала, какой подарок сейчас получила. В одну недолгую схватку наставник вложил столько информации, сколько обычно она не узнавала и за три месяца. Не сомневалась Ольга и в причинах такого экспресс-обучения. Он знает, что должно произойти – и пытается дать ей хоть какие-то шансы. «В порядке

очистки совести», – мысленно съязвила девушка, восстанавливая дыхание. Казалось, тело целиком состоит из пламени, но вопреки всему она чувствовала себя намного лучше. Достаточно хорошо, чтобы, если придётся, сразиться и умереть по-человечески.

– Прекрасно позанимались! Если б ещё эта девчонка под ногами не путалась... – Таками Кагэки вышел из-под душа и выдёрнул из сумки своё полотенце.

– Так продолжать нельзя! – горячо отозвался Тэруока. – Она позорит школу одним своим присутствием. Мы столько лет связаны единым делом и клятвой... а она заявляется сюда, будто на базар. Такое нужно пресекать немедленно.

– Но ведь Серинова-сан тоже принесла клятву, – флегматично заметил Норимори Хидэюки, складывая в пакет мокрую от пота форму.

– Вы думаете, это для неё что-то значит? – Тэруока презрительно скривился. – Да ей наши обычаи – не более чем представление для туристов. Приятно поучаствовать, позабавиться. И только. Она в любой момент может нас подставить, и тогда никакие боги не спасут ни школу, ни учителя. Разве можно ей доверять? Это ведь женщина. К тому же гайдзин.

– Да хоть горный тэнгу, – Кацумото Дайго равнодушно забросил на плечо рюкзак. – Меня Серинова-сан не особо очаровала, но мне с ней не спать. Хаябуси-сэнсей считает её стоящей обучения. Судя по виденному, так оно и есть. Во всяком случае, она ведёт себя куда сдержаннее, чем вы, Тэруока-сан.

Тот вспыхнул. Но промолчал: ближайший ученик и помощник наставника имел право упрекнуть кого угодно. Тем более справедливо.

– Пока Серинова-сан следует правилам, пускай тренируется, – заключил Кацумото. – Нарушит их – тогда дело другое, – он круто повернулся и вышел.

– Как бы только поздно не оказалось, – гнул свою линию Тэруока.

– Я тоже предпочитаю, чтобы дамочка развлекалась где-нибудь в другом месте. – Сакадзаки Ёситаро нахмурился. – Только как её отсюда выставить? Наверное, следует её достаточно сильно припугнуть. Тогда она исчезнет навсегда.

– Серинова-сан не показалась мне человеком, которого легко запугать, – с сомнением протянул Таками. – Правда, что на церемонии посвящения она просила смерти, если её сочтут недостойной?

– Всё так, – кивнул Норимори.

– Ничего, – Яманами Дзюро зловеще усмехнулся. – Мы постараемся быть очень доходчивыми.

Норимори покачал головой.

– Мне ваша затея не нравится. Детский сад какой-то. Вы полагаете, наставник должен подбирать учеников исходя из цвета волос? Как вы объясните ему своё поведение?

– Мы всего лишь продемонстрируем непригодность этой женщины для Генкай-рю, – возразил Сакадзаки. – На практическом примере.

– Ну-ну. Опозориться не боитесь? Хотя пробуйте, раз вам хочется. Но я в дурацких играх участвовать не намерен. – И он тоже ушёл, аккуратно задвинув за собой фусума.

– Кто ещё не желает связываться? – Тэруока обвел взглядом раздевалку. – Охара-сан, вы с нами?

Охара Исао потянулся, будто спросонья.

– Раз вам нужна массовка – пойду непременно. В принципе, я ничего не имею против данной особы. Но мне интересно поглядеть, как она станет выкручиваться.

– Кстати, а что, если Серинова-сан не побоится угроз? – поинтересовался Таками.

– Отделаем, как перед строем, – хмыкнул Яманами, натягивая рубашку. – Уж этого точно будет достаточно. Не помчится же она жаловаться сэнсею.

– Зато вполне может заявить в полицию, обвинив вас в избиении, – Сакадзаки задумчиво сложил руки на груди. – Ей надо надёжно заткнуть рот. Только единственный способ гарантировать молчание женщины – это убить её. А доводить дело до таких крайностей...

У Тэруоки внезапно засосало под ложечкой. Но гнев перевесил.

– Если иного выхода не будет, крайности я возьму на себя, – решительно объявил он. – Не беспокойтесь, школа останется вне подозрений. Надеюсь, потом кто-нибудь из вас окажет мне последнюю услугу. А нет – обойдусь и так.

Ольга переодевалась не в пристройке, а прямо в доме, в узкой комнатке, смежной с ванной. Иори уступил ей очередь в душе, а сам куда-то исчез. Хаябуси-сэнсей не показывался вовсе. Она ополоснулась, наскоро растёрла мазью воспалённый бок и застегнула пояс на своем белом костюме. «Театральный реквизит для финальной сцены», – фыркнула она. В голове сами собой складывались издевательские строки:

*В камнях и ямах вся твоя дорога.
Твой образ действий сводится к борьбе.
Ну что ж, в природе сумасшедших много,
Средь них найдётся место и тебе.
Сноси свои причуды терпеливо,
Искусства ради сдай себя в расход.
Живи героически и умри красиво —
Глупее, чем последний идиот.*

*Театр абсурда ширится, не так ли?
Безумство тоже стоит совершить:
Своим бредовым жизненным спектаклем
Ты можешь мир изрядно насмешишь.*

В прекрасном настроении Ольга вышла во двор. Ей хотелось громко, от души расхохотаться. Но веселье уже смывалось ясным, ледяным восприятием реальности. Предметы вокруг стали чётче, точно очерченные сияющим контуром. Наступали сумерки, но она видела не хуже, чем днём. И не только видела – другие чувства тоже обострились до предела. Её внимание сразу привлек Иори, стоявший за сосной. Он взволнованно шагнул ей навстречу.

– Се... Орыга-сан, я хочу предупредить вас. Вы в смертельной опасности. Некоторые ученики моего отца не согласились с вашим присутствием. Они хотят изгнать вас отсюда любой ценой. Я слышал, Тэруока Кэндзи-ро готов пойти даже на убийство.

«Вот как его зовут», – отметила девушка.

– Я горжусь тем, что мне довелось познакомиться с вами, Иори-сан, – сказала она вслух. – Впрочем, ничего нового в ваших словах нет.

– Вы знаете?

– Очень трудно не догадаться. По дороге на автостанцию есть одна отличная точка для засады. Не будучи гениями тактики, Тэруока с приятелями наверняка будут ловить меня там.

– При чем тут тактика? – невольно удивился юноша.

– В опасном месте человек держится настороже, – пояснила Ольга. – А миновав его без происшествий, расслабляется. И тогда его можно брать тёпленьким даже на неудобной позиции. Хотя они не ждут никаких сюрпризов. Зря. Даже заяц умеет кусаться.

– Вы надеетесь справиться с ними?

Россиянка невольно улыбнулась.

– Тогда почему бы вам не обойти их? Или просто не остаться на ночь в посёлке?

– Воину не пристало уклоняться от опасности. Сейчас я знаю их намерения. И могу рассчитывать, что на эту разборку соберутся все недовольные. Уйди я от стычки – мне придётся прятаться после каждой тренировки, оберегая свою драгоценную жизнь. Пока они до меня всё-таки не доберутся. Глупо, вы не находите?

– Вы говорите в точности как мой брат, – прошептал Иори внезапно севшим голосом.

– А у вас есть брат?

– Был. Он... погиб четыре года назад.

Девушка вежливо склонила голову.

– Мои соболезнования.

– Орья-сан... раз вы твёрдо намерены встретиться с ними, я готов одолжить вам свои мечи. Ведь ваши противники будут вооружены.

– Вы оказываете мне великую честь, Иори-сан, – россиянка низко поклонилась. – Однако я вынуждена отказаться. Если дойдет до боя, оружие меня не спасёт. Они звали вас с собой?

– Нет. Им предпочтительнее поставить моего отца перед фактом. А моё отсутствие в доме трудно не заметить. Кроме того... меня всегда считали никчёмным мальчишкой.

– Надеюсь, вы ничего не говорили Хаябуси-сэнсею?

– С радостью сказал бы. Только он ушёл куда-то сразу после тренировки, даже не переодеваясь.

– Хорошо. Это дело между мной, Тэруокой и его товарищами. К тому же ваш отец, без сомнения, в курсе. Ну что ж, благодарю вас за все. Мне пора идти. А то милая компания заскучает. Прощайте, Иори-сан.

– Прощайте, Орья-сан.

Шагая по асфальту, девушка подсчитала примерное количество противников. В додзё она видела девятиерых. Киёкава отпадает за небоеспособностью. Иори тоже. Ещё двое – похоже, лучшие бойцы школы – кланялись ей на занятиях, и вообще казались трезвомыслящими людьми. Именно они во время церемонии сидели возле учителя. Итого остаётся пятеро. Возможно, придёт кто-то ещё, возможно, кто-то не появится.

Под сенью парка уже сгустилась темнота, словно в воздухе разлилась разведённая тушь. На фоне массивных чёрных стволов Ольга выглядела белым призраком, бесшумно плывущим над жемчужно-серой ниткой дороги. Она не думала ни о жизни, ни о смерти, ни о своей участи. У неё была задача, которую предстояло решить. Остальное значения не имело.

Ольга ощутила чье-то присутствие. Эти люди не приближались – только скользили неподалёку, укрываясь за деревьями и кустами. Два... три человека. Один из них – сам Хаябуси-сэнсей. Кто другие – тоже понятно. Официальные свидетели? Завуалированная группа поддержки?

Не доходя до знакомой ложбинки, россиянка сошла с дороги, обходя место засады по широкой дуге. Её тайная свита двинулась следом, по-прежнему держась поодаль. Ближайший, кажется, разочарован. Ничего. Переживёт.

Добравшись до ручья, у которого ночевала прошлой ночью, Ольга сбросила наземь рюкзак с формой и сунула в кусты. Перепрыгнула на другой берег и так же по дуге вернулась на асфальт. И направилась прямо на засаду, только с другой стороны.

Тэруока с компанией засел именно там, где и ожидалось. Не проявив особого тактического мышления, безнадёжными тупицами они тоже не были. Их часовой сидел высоко в ветвях дуба, обозревая окрестности во всех направлениях. Он-то и заметил россиянку. Тихо свистнул, привлекая внимание остальных, и соскользнул вниз. Серинова знает о них. Прятаться бесполезно.

Она остановилась в самом узком месте дороги. Теперь, чтобы взять её в кольцо, противникам пришлось бы лезть через заросли. Ей навстречу вышли шестеро. Двое в тёмных спор-

тивных костюмах, прочие в хакама, кимоно и хаори с заткнутыми за пояс мечами. Тэруока и ещё один самурай нацепили полный дайсё, остальные ограничились вакидзаси.

Девушка насмешливо улыbnулась.

– Для того, чтобы справиться с одной женщиной-новичком, вы прихватили маловато оружия. Вам пришлось бы кстати ещё парочка автоматов и хороший подствольный гранатомёт.

Открытая издёвка, сказанная ровным, будничным тоном, вогнала всю шестёрку в лёгкий ступор. Потом кто-то очнулся:

– Зачем вы сюда явились?

– На встречу с вами. Вы ведь хотели меня видеть? Я, Селинова Ольга, младший ученик Генкай-рю, к вашим услугам. Пожалуй, вам тоже следует представиться.

– Сакадзакки Ёситаро, – тот автоматически поклонился. – Мне скрывать нечего.

– Очень приятно. Я вас слушаю, Сакадзакки-сан.

Тэруока заскрежетал зубами. Ненавистная девка держалась, как профессор среди нерадивых студентов. Того и гляди, начнёт оценки выставять.

– Вы, конечно, поняли, зачем мы здесь, – говорил тем временем Сакадзакки. – Мы не считаем вас пригодной для обучения в нашей школе. И намерены добиться вашего ухода, пока вы её не опозорили.

– Значит, вы считаете своё мнение о моей пригодности более значимым, чем мнение Хаябуси-сэнсей?

– Учитель тоже может ошибаться.

– Тогда, вероятно, вы – старший ученик школы, имеющий достаточный опыт, чтобы указать ему на ошибку?

Даже в полутьме стало видно, как покраснел Сакадзакки.

– Нет. А вы, Серинова-сан, намерены и дальше прятаться за его авторитетом? Сейчас это вряд ли у вас получится. Нам не хотелось бы прибегать к силе, но в случае нужды мы готовы её применить. Или всё-таки прислушаетесь к разумным аргументам?

– Пока я не слышала никаких аргументов, кроме вашего мнения. Которого, простите, не разделяю.

– Я – Таками Кагэки, – раздался голос с другой стороны. – Наши аргументы сводятся к следующему. Вы женщина, а мы не хотим снижать интенсивность занятий ради вас. Вы иностранка, и полностью доверять вам мы не можем. Ваше самообладание, конечно, впечатляет, но что вы можете дать Генкай-рю, кроме него?

– Свою верность и жизнь, Таками-сан. Я клялась в том кровью.

– Как напыщенно! Почему мы должны верить вашей клятве? А если интересы школы для вас действительно что-то значат, вы уйдёте и никогда не вернётесь.

Ольга засмеялась.

– Вы не верите моей клятве, но готовы поверить в то, что я покорно уйду и притом буду молчать? Где вас учили столь извращённой логике? Так вот, господа. Любая школа, которая превращается в закрытый клуб для самураев с правильной родословной, загнивает и гибнет. Боевое искусство, попав в изоляцию, перестаёт быть искусством и становится театром для избранных. Хаябуси-сэнсей, в отличие от вас, это понимает. Мой уровень намного ниже вашего, но я другая, не такая, как вы. Вот моё основное достоинство. Я клялась не оставлять тренировок, пока жива. А я серьёзно отношусь к своим обязательствам. Единственный способ заставить меня покинуть Генкай-рю – убить. Другого выхода у вас нет.

– Пожалуй, есть, – зловеще процедил голос из задних рядов. – Например, изувечить.

– Господин Неизвестно Кто, не вижу особой разницы для себя, – равнодушно отозвалась россиянка. – Но как вы потом намерены защищать школу от разборок с полицией? Вы положитесь на мою лояльность? Конечно, я в полицию не побегу, но врачи в больнице непременно туда заявят. Труп спрятать куда легче, а мёртвые молчат.

– То есть вы настаиваете на смерти? – Тэруока весь дрожал от бешенства. – Прекрасно, будет вам смерть! Ничто в мире не доставит мне большего удовольствия!

– Тэруока-сан, у вас сейчас пена изо рта пойдёт, – Ольга хладнокровно прикинула расстояние. Пока он стоял в трёх размахмах клинка. Слишком далеко для удара. – Если кто и позорит школу, так это вы! – рывкнула она внезапно. – Вы чуть не погубили учителя своей несдержанностью на церемонии! Представляете, что случилось бы, пройди ваш клинок в мою шею немного глубже? Что бы делал сэнсей с телом гражданки другого государства, убитой в его доме? А ваши дурные манеры в додзё! Прибавьте сюда убийство безоружного человека, которое вы собрались совершить сейчас – и можете смело распарывать себе живот. Хотя настолько постыдное поведение не покрыть никаким харакири. – Девушка презрительно скривилась.

– Яманами-сан, будьте так любезны, одолжите ей меч, – попросил Тэруока. И обратился к Ольге, пряча ярость за издевательской вежливостью: – Серинова-сан, я вызываю вас на смертельный поединок. Вы окажете мне честь, сразившись со мной? Или опять пуститесь в рассуждения?

– Я принимаю ваш вызов, Тэруока-сан, – невозмутимо, без тени иронии откликнулась она.

Подожёл Яманами, мрачнее окружающего пейзажа. И, тщательно соблюдая этикет, молча протянул ей свою катану в ножнах.

– Пожалуйста, примите мою искреннюю благодарность. – Девушка слегка поклонилась и уверенным жестом, свидетельствовавшим о привычке, сунула оружие за пояс. Не глядя затянула шнур сагэо.

– Я готова.

Пятеро самураев медленно расступились, освобождая место для схватки. Похоже, никому из них не нравится происходящее. Ольга отвесила официальный поклон своему врагу. Обнажила меч.

– К бою!

– К бою! – хищно оскалился Тэруока, выхватывая свой клинок.

На миг оба застыли, выставив перед собой оружие, нащупывая слабинку в противнике. В спокойных глазах Ольги не было ни гнева, ни страха, ни напряжения. Тэруока вдруг ясно осознал, что она действительно готова к смерти. Но не стремится к ней – ей попросту всё равно. А его зрение затуманивала злость – и смутный, неотвязный ужас перед последствиями.

Неожиданно россиянка скроила весёлую рожицу и голосом проказливой девочки-подростка спросила:

– Дяденька, а почему вы так похожи на обиженного бульдога?

И прежде, чем сбитый с толку воин справился с удивлением, хлестнула жёстким, кратким приказом:

– Замри!

Теперь её взгляд полыхал пронзительной, ледяной сталью. Ещё мгновение они стояли друг против друга – а потом Ольга, ко всеобщему изумлению, вложила меч в ножны.

Тэруока не шелохнулся. Тогда она шагнула вперёд и вырвала катану из его рук. Тот так и остался в боевой стойке, сжимая в пальцах нечто невидимое. Держа лезвие возле шеи противника, девушка левой рукой сорвала его вакидзаси; небрежно заткнула за свой пояс. Та же судьба постигла танто Тэруоки. Убедившись, что другого оружия у него нет, россиянка отступила на полшага:

– Дарю вам жизнь. Но пусть поражение научит вас сдержанности, – и тихо добавила, забирая у оппонента пустые ножны: – Спи, Кэндзи-ро. Ты проснёшься через десять минут. Ты запомнишь только то, что произошло до слова «спи».

Убрав, наконец, меч, Ольга нашла среди потрясённых зрителей Яманами и возвратила ему его катану, по обычаю держа её лезвием к себе и рукоятью налево, к правой руке собеседника:

– У вас прекрасный клинок, Яманами-сан. Вы оказали мне большую честь, позволив им воспользоваться. Но я рада, что мне не пришлось обагрить его кровью.

«Она настолько мне доверяет? – спросил себя тот, принимая оружие. – Если я выхватчу меч...»

Ольга едва заметно улыбнулась.

Помедлив, Яманами поклонился. К ней определённо стоило присмотреться получше.

– Что вы с ним сделали, Серинова-сан? – Таками с недоверием смотрел на застывшую фигуру Тэруоки, похожую на повреждённую временем статую.

– Он просто спит, – россиянка пожала плечами. – Скоро проснётся. Господа, я сочту за личную услугу, если вы проследите, чтобы до завтрашней тренировки ему не попало в руки ничего достаточно острого. Конечно, Тэруока-сан повёл себя как глупец, но он прекрасный воин, и я не хочу его гибели.

– А что изменится завтра? – спросил человек в спортивном костюме. И, вдруг смутившись, представился: – Я – Нисимура Норио.

– Завтра я решу эту проблему, Нисимура-сан. Или он начнёт думать, или возненавидит меня ещё больше, но в любом случае останется жить. А пока я намерена откланяться. Было большим счастьем познакомиться с вами вблизи. До встречи в додзё. – Ольга изящно поклонилась, повернулась ко всем спиной и безмятежно зашагала прочь.

Никто не попытался остановить её.

Тэруока Кэндзио растерянно смотрел на свои пустые ладони.

– О, ты очнулся! Мы уже начали беспокоиться. – Сакадзаки вздохнул с облегчением.

– Где Серинова-сан?

– Ушла. Мы не стали её задерживать.

– Я... проиграл поединок. Она обезоружила меня. Меня... будто парализовало. Как ей удалось? И почему я до сих пор жив?

– Хорошо, что всё обошлось. Зря мы это затеяли. – Яманами задумчиво смотрел в темноту.

Гнев Тэруоки погас, оставив только опустошение. Вот истинные размеры его ничтожества. Сумасшедшая женщина-гайдзин растоптала его, даже не прикоснувшись. И в довершение унижения не стала убивать, не считая опасностью, стоящей внимания. «Я и впрямь опозорил Генкай-рю, – с усталой обречённостью подумал Тэруока. – Хаябуси-сэнсей совершенно прав, приняв её в школу. Так он проверил всех нас. И я не выдержал проверки».

– Серинова-сан подарила мне жизнь, – ровно проговорил он. – Но я не нуждаюсь в её подарке. Сакадзаки-сан, можно ненадолго попросить у вас вакидзаси?

Тот покачал головой.

– Пожалуйста, обдумайте своё решение позже. Сейчас вы утомлены и расстроены, и не в состоянии рассуждать здраво. Такие вещи следует делать в надлежащее время, на трезвую голову, завершив все дела.

– Я проиграл. Я вел себя недостойно. Я виноват перед вами и перед школой. К чему медлить? У меня нет дел, требующих завершения. Отправляясь сюда, я знал цену своих намерений.

– Но ведь ничего не случилось, – вступил в разговор Таками. – К тому же в сегодняшней разборке участвовали не только вы. Мы тоже делим с вами ответственность.

Тэруока хмуро покосился на него.

– В отличие от вас, я хотел не припугнуть, а убить Серинову. Только орешек оказался не по зубам. Дьявольщина, все, в чем она меня обвиняла – истинная правда! Я действительно едва не погубил Генкай-рю! Да и тут, если бы мне удалось её зарубить, история могла выплыть наружу, и тогда... – он запнулся. – Но я не ишу оправданий. Я заслужил смерть. Пожалуйста, дайте мне покончить с этим скорее.

– Вам не стоит так торопиться, – возразил Сакадзаки. – Успокойтесь, отдохните, взвешенно оцените ситуацию. Кроме того, ваш долг – поставить в известность господина. И если к завтрашней ночи ваше намерение не изменится, я лично почту за честь стать вашим кайсяку. Пока же предлагаю всем пойти ко мне и выпить. В моем шкафу простаивает отличное саке.

– Похоже, у меня нет иного выбора, – мрачно усмехнулся Тэруока. Окинул взглядом остальных: – Вы, конечно, согласны с ним.

Независимо от воли сердце сразу забилося веселее. Прямо сейчас умирать не придётся. Вопреки внешней решимости он боялся, боялся до дрожи в коленях. Может, всё-таки есть и другой выход? «Трус! – беззвучно закричал он на себя. – Тебе остались всего одни сутки. Завтра вечером ты взрежешь себе живот, и сделаешь это без соплей и воплей. Или ты не самурай вовсе, и вообще не человек, а просто тряпка для вытирания ног».

– Ну что ж, пойдём, – сказал Тэруока вслух. – Проверим качество твоей выпивки. В конце концов, не упускать же мне последнего случая напиться до чёртиков.

Пряча оружие под хаори, окольными тропами, дабы не бросаться в глаза, шестерка воинов двинулась к дому Сакадзаки.

– Кажется, я должен положиться на слово Сериновой, – тихо заметил тот, когда они с Яманами оказались в стороне от остальных. – Надеюсь, она сумеет отговорить его. Иначе я здорово влип.

В темноте едва слышно журчала вода. Небо затягивали тяжёлые чёрные тучи, и в ложбине у ручья трудно было различить собственные пальцы. Хорошо, что пока нет дождя. Но к утру он наверняка начнётся.

Ольга стояла, закрыв глаза, обессиленно прислонившись к стволу дерева. Её насквозь, как губку, пропитывала невероятная усталость. В измученном теле болела каждая жилочка. Надо лечь спать. Но тогда понадобится шевелиться. Она скривила губы в усмешке. Даже наедине с собой она не могла позволить себе стона.

«Вероятно, я счастлива, – поиронизировала россиянка. – Заговорила людям зубы, выиграла дурацкую схватку и завоевала почётное право предаваться мазохизму до конца своих недолгих дней. Зачем?! Видимо, потому, что иначе я не умею. Слишком привыкла к роли безумного камикадзе. А теперь и компанию нашла себе под стать».

Страхнув оцепенение, девушка отклеилась от ствола и на ощупь вытащила из рюкзака полотнище теплоизолирующей плёнки. Расстелила на земле и улеглась, положив вдоль тела оружие Тэруоки. Вот у кого будет сегодня весёлая ночь. Впрочем, ему полезно. Укрывшись сверху той же плёнкой, она подтянула под голову рюкзак. И мгновенно провалилась в сон.

Открыв глаза, Ольга обнаружила себя стоящей в боевой стойке с обнажённой катаной в руках. Её разбудило ощущение смертельной опасности. Занимался серый, неуютный рассвет. В воздухе висела водяная пыль.

Ветви кустов раздвинулись, и на полянку вышел Хаябуси-сэнсей.

– Уберите меч, Серинова-сан, – сказал он спокойно. – Если, конечно, вы не хотите сразиться со мной.

Россиянка мгновенно опустила клинок, обернув его лезвием назад, и низко поклонилась. Возвратив поклон, учитель окинул взглядом место её ночлега.

– Признаться, я вас недооценил. Не ждал, что вы сумеете вывернуться.

– Вас это огорчает? – поинтересовалась Ольга. На всякий случай обтёрла сталь рукавом, подобрала ножны и спрятала в них катану.

– Нисколько. Я рад такому исходу. Но Генкай-рю значит для меня куда больше, чем вы. А вот ваша готовность умереть за право обучения удивляет. Вы же ничего не знаете ни о моей школе, ни обо мне.

– Я могла бы ответить вам цитатой из «Хагакурэ»: «В ситуации «или – или» без колебаний выбирай смерть». Но ведь вам её будет недостаточно?

– По правде говоря, да.

– Тогда скажу так: у истинного боевого искусства лишь одна цена. Когда понадобится, я её уплачу. Что до вашего предложения, тут я положила на Путь. До сих пор он меня не подводил. Поэтому берите мою верность и мою жизнь, а в обмен научите меня своему стилю.

– Вам действительно не место среди тех, кто занимается айкидо по стандартной программе. – Хаябуси, скрестив ноги, уселся на плёнку. Ольга опустилась на колени напротив, прямо в мокрую траву. – Ваша догадка верна: я пригласил вас, чтобы оживить дух Генкай-рю, привнести в неё другой взгляд на вещи. Мы замкнулись на себе и на древних традициях. Правда, я не ожидал настолько агрессивной реакции на ваше появление.

– А я не ожидала, что бойцы такого уровня могут рассуждать, как самоутверждающиеся подростки. Смешно. Особенно позабавил Тэруока. Простите, сэнсей, но иным вашим ученикам определённо следует повзрослеть. Надеюсь, спектакль, который я им устроила, заставит их немного задуматься. Могу я задать вопрос? – Дождавшись кивка учителя, она продолжила: – Вы и двое ваших помощников следили за мной. Вы собирались вмешаться или просто наблюдали, чем всё кончится?

– Значит, вы нас заметили, – он помолчал. – Серинова-сан, вы так или иначе должны были доказать, что достойны Генкай-рю. Возможно, мы попытались бы предотвратить вашу гибель... Но вы не дали нам ни единого шанса на вмешательство. Полагаете, Тэруока и впрямь хотел обезглавить вас на церемонии?

– Несомненно. Однако из вполне понятных соображений отложил удовольствие. На самом деле я восхищаюсь его способностями. Настолько точно остановить удар с полного размаха сумеет не каждый.

– Мечом он владеет великолепно. Но несколько... импульсивен. Тэруока возненавидел вас сразу, и не пожалел даже собственной жизни, чтобы убить. Заруби он вас на поединке, мне не осталось бы ничего другого, кроме как приказать ему совершить сэппуку. И он это знал. До сих пор не понимаю, как вы его удержали.

– Обычный гипноз. Поехав в Японию, я бросила учёбу на психолога. Но кое-чему научиться успела.

– Я считал, что для гипноза нужна длительная подготовка... и согласие объекта. Если, конечно, он не совсем слабovolен.

– Иногда достаточно смутить его. Сила воли тут почти ни при чём. А когда у него такая каша в мозгах, вообще нет никаких сложностей.

– Разве у Тэруоки была каша в мозгах?

– Невероятная. Он бесился, стыдился, поражался моему поведению... и очень боялся последствий. Как для школы, так и для себя.

– Он же решился на смерть.

– Решился. Но реально готов к ней не был. Он страстно хочет жить.

Хаябуси усмехнулся.

– После вашего ухода Тэруока долго упрашивал Сакадзаки одолжить ему вакидзаси, собираясь умереть на месте. А вы говорите, хочет жить.

– Национальный японский выверт сознания. Главное – не потерять лицо, а всё остальное может гореть синим пламенем. Я перед всей школой обвинила Тэруоку в постыдном поведе-

нии, и окончательно унизила, не дав себя убить и отняв оружие. Поэтому, скуля от страха и проклиная весь свет, наш обесчещенный мальчик стиснет зубы и героически выпустит себе кишки, как истинный идиот... извините, самурай. Иначе он будет выглядеть слабаком, – Ольга хмыкнула. – Конечно, я заставлю его отказаться от этой идеи, но искренне надеюсь, что он хотя бы к сорока годам выберется из детства.

– Лихо, – сэнсей уже откровенно смеялся. – Жёстко, грубо и прямолинейно. Этак половина воинов прошлого погибла только затем, чтобы не выглядеть слабаками. Хотя по сути я с вами согласен. Буду очень признателен, если вы сохраните жизнь Тэруоке. Он не попытается убить вас снова?

– Вряд ли. По крайней мере, в ближайшее время. Устраивать второй поединок глупо даже по его меркам, а зарезать меня из-за угла не позволит честь... похоже, у него таковая всё-таки имеется. Кроме того, он достаточно напуган.

– А что вы намерены делать с его оружием?

– Верну владельцу. Когда он соображать начнёт.

– Очень благородно с вашей стороны. – Хаябуси посерьёзnel. – Однако вам следует обзавестись своим дайсё, и как можно скорее. И ещё. Способны ли вы физически выдерживать тренировки такой интенсивности? Те, на которых вы присутствовали – обычный стандарт. Бывают куда тяжелее, особенно вне зала.

– Сейчас мне очень трудно, не спорю. Но со временем я втянусь – или сломаю себе шею. Пожалуйста, не беспокойтесь из-за меня.

– И какова вероятность второго исхода?

– Небольшая, – улыбнулась Ольга. – Насколько я могу судить.

Учитель встал.

– Собирайте вещи. Нам обоим пора идти.

Ольга тоже поднялась, выдернула из рюкзака кусок зелёного шёлка, завернула в него мечи и нож Тэруоки. Стряхнула капли с плёнки и обернула ею получившийся свёрток. Закинула рюкзак за спину.

– Всё.

– Тогда пойдём. И с сегодняшнего дня вы будете ночевать у меня в доме. Иори покажет вашу комнату.

Ольга низко поклонилась.

– Благодарю вас. Вы позволите мне поговорить с Тэруокой после занятия?

– Разумеется.

На полпути к дому Хаябуси внезапно спросил:

– Серинова-сан, а доводилось ли вам когда-нибудь убивать?

– Да, – она пожала плечами. – Доводилось.

Сэнсей споткнулся, поражённый не столько самим признанием, сколько полной невозмутимостью россиянки.

– Возможно, мне и впрямь лучше приказать вам покончить с собой, – медленно проговорил он. – Кого я пригласил в Генкай-рю?

По лицу Ольги скользнуло странное выражение, больше всего напоминающее брезгливость.

– Приказывайте.

Хаябуси вздохнул.

– Скажите, Серинова-сан, вы – человек?

– Я – то, что вы называете «буси». Во всей своей красе.

Тэруока проснулся от чувствительного пинка под рёбра. Ещё ничего не понимая спроне, откатился в сторону и взвился на ноги в боевую стойку. Напротив стоял Сакадзаки, бодрый до отвращения.

– Хватит дрыхнуть, Кэндзи-ро. Давай собирайся в додзё. Остальные уже ушли.

Тэруоку мучило дикое похмелье. В памяти медленно проступали события прошлой ночи. Охота на Серинову... брошенные ею обвинения... поединок и его исход... Остатки сна смыл накотивший ужас. Сегодня вечером он должен умереть.

– Зачем мне в додзё? – сипло пробормотал он, пытаясь проглотить ком в пересохшем горле.

– На тренировку, – последовал ответ. – Или ты намерен торчать тут весь день? Кстати, ключи от твоей квартиры остались в кармане Исао. Не забудь их потом забрать.

Уныло кивнув, Тэруока побрёл в ванную. Пойти на занятие было проще, чем объясняться с Сакадзаки. К тому же оно позволит целых три часа не думать о предстоящем.

Ледяная вода прояснила разум. Осталась только сосущая пустота в желудке и неприятный привкус во рту.

– Паршивое у тебя sake, приятель, – сообщил Тэруока, входя на кухню.

Тот поднял бровь.

– Ты это уже говорил. После третьей или четвёртой бутылки. А потом почти час рассуждал о кризисе в экономике Соединенных Штатов.

– Чего?!

– Нёс редкостную ахинею, – продолжал Сакадзаки, вручая ему чашку с зелёным чаем. – В конце концов Кагэки заявил, что он, как профессиональный экономист, обязан немедленно тебя просветить. От лекции о денежной массе и товарообороте нас спас Норио, затянув песню. Слов никто не понял, но подпевали мы дружно. Дальше ты свалился под стол, а остальные постепенно разбрелись спать. Нам с Кагэки, как самым трезвым, пришлось ещё тащить тебя до постели.

– Кажется, смутно припоминаю. Ну и ну. Лет десять так не надирался. И с какой стати меня беспокоила ситуация в Америке? – Тэруока залпом выпил чай и мрачно посмотрел в окно. Погода соответствовала настроению – сырая и пакостная. – Мне вообще уже поздно о чем-либо беспокоиться. Пожалуй, только одно, – он помолчал, собираясь с духом, и, наконец, сказал, будто прыгая в море с обрыва: – Сакадзаки-сан, вчера вы обещали стать моим кайсяку. Вы исполните обещание?

– Откровенно говоря, я надеялся, что вы измените своё решение. У вас нет никаких причин для сэппуку. Может, вы и могли подставить школу, но ведь не подставили. Вы же не убили Серинову, ни в доме сэнсея, ни в парке. Ничего не произошло. Совсем ничего.

На миг в сердце Тэруоки вспыхнула яростная надежда. Возможно, он вправе остаться в живых? Но тут перед внутренним взором всплыла насмешливая улыбка Ольги. Женщина-гайдзин прилюдно смешала его с грязью, а потом без единого взмаха меча, одним словом подчинила себе и отняла оружие. Как жить после такого?

– Нет. – Он сам не узнал своего голоса. – Моё намерение остаётся прежним. Сегодня в сумерках я пойду на берег и... совершу всё как полагается. Рассчитывать ли мне на вашу помощь?

Сакадзаки нахмурился.

– Мне это крайне не по душе. Тем не менее я дал слово. Если вы не передумаете, я отправлюсь с вами и честно срублю вам голову. Очень тупую голову, надо признать. – Он глянул на часы. – Ладно, идём. Времени осталось совсем чуть-чуть.

Кулак Яманами с силой впечатался в солнечное сплетение Ольги. Задохнувшись, та отлетела назад, пытаясь сохранить стойку и перехватить новую атаку.

– Серинова, быстрее! – тут же раздался окрик сэнсея. – Корпус прямо! Нисимура, локоть вниз! Тэруока, чем ты занят? Удар и бросок!

Учёба шла своим чередом. При смене партнёров россиянке поклонился Сакадзаки. Начиная отработку техники, он не сказал ни слова, только в глазах читался вопрос. Ольга чуть заметно кивнула, срывая захват и с усилием швыряя напарника через себя. Получилось довольно-таки неуклюже.

– Шире движение, – шёпотом подсказал Сакадзаки, в качестве пояснения сбросив её вниз головой на татами. Кувырок, подъём, возвращение в прежнюю позицию. Обращать внимание на боль не имеет смысла.

На спарринге с Таками девушке удались несколько жёстких контратак – помогли изученные вчера приёмы. Это помешало ему сделать из неё отбивную, но в целом искусство не впечатляло. Пока. «Если не снижать темпа, через полгода-год я стану интересным противником», – отметила Ольга.

Заканчивая тренировку, Хаябуси сказал:

– Следующее занятие, как всегда, с оружием. Серинова-сан, приносите боккен и два ножа, деревянный и стальной.

Ученики начали расходиться. Тэруока, не двигаясь, с тоской посмотрел на камидза, в то место, где обычно лежали его мечи. Сейчас подставка была пуста. «Вечером сюда приходиться незачем, – угрюмо подумал он. – Однако следует доложить господину». Но прежде, чем он собрался с мыслями, сэнсей подошёл к нему сам, сурово глядя из-под сведённых бровей.

– Серинова-сан хотела поговорить с вами. Пожалуйста, зайдите к ней в комнату. На втором этаже третья дверь слева, если смотреть с лестницы. Потом придёте ко мне. У меня тоже есть к вам... разговор.

– «Он знает, – понял Тэруока. – Наверное, Серинова рассказала. Тогда почему он молчит? Испытывает меня? Да, справедливо. Я должен признаться сам. И с достоинством, официально попросить смерти».

– Чего вы ждёте? – поторопил его Хаябуси. – Идите.

Механически поклонившись, тот повиновался, размышляя на ходу: «Её мне только не хватало. А впрочем, какая теперь разница».

Найдя нужную фусума, Тэруока сдвинул её в сторону, не утруждая себя стуком. Ольга стояла вполоборота к нему. Она тоже ещё не переодевалась. Но чёрные кимоно и хакама, насквозь промокшие от пота, а кое-где и от крови, сидели на ней не хуже парадного одеяния.

– Рада вас видеть, Тэруока-сан, – девушка слегка улыбнулась. – Хороший сегодня день. Можно наконец отдохнуть от жары.

– Зачем я вам понадобился? – огрызнулся тот. Но россиянка не обратила на его грубость ни малейшего внимания.

– Нам стоит поговорить, вы не находите? – отозвалась она, глядя на него спокойно и отстранённо, будто на стену или стол. Точно так же, как смотрела на поединке.

Тэруока криво усмехнулся.

– О чём? Ведь вы – виновница всех моих бед. Вынужден признать ваше право здесь находиться... но я очень жалею, что не сумел вас убить.

– Спасибо за честность, – без иронии сказала Ольга. – Хотя вся моя вина лишь в том, что меня угораздило родиться русской женщиной, а не японским мужчиной. Или не так? – Не дождавшись ответа, она продолжила: – На мой взгляд, глупо обвинять в своих бедах кого-либо, кроме себя. Но я вам не воспитатель. Садитесь! – девушка указала на подушку, лежавшую в почётном углу слева от токонома. – Нет никакой необходимости стоять столбом.

Помедлив, её собеседник сел. Ольга расположилась напротив в точно такой же позе, по-мужски скрестив ноги.

– Вы действительно намерены расписаться в своём полном ничтожестве? – резко спросила она.

– Не советую до такой степени искушать судьбу, – тихо пригрозил Тэруока. Сквозь пелену обречённости вновь проступил гнев. – Мне терять уже нечего.

– Я и говорю о самоубийстве, которое вы планируете. Вы хотите подтвердить своё окончательное поражение? Уйти от ответственности за свои действия, плюнув на долг перед школой и даже на собственную честь? Женщина-гайдзин казалась вам никчёмной и слабой, но, уступив ей в первой же схватке, вы даже не пытаетесь разобраться в причинах и устранить их. Вместо этого вы униженно склоняете голову и покорно бредёте на кладбище. И кажется, полагаете своё поведение приличным... хотя оно не более чем трусость.

Алый вихрь заметался в голове Тэруоки. Он готовится умереть, чтобы стереть позор – а эта девка обвиняет его в трусости?! Да как она смеет?! Его действия – признание собственного ничтожества?!

– Серинова-сан, – прошептал он, стискивая кулаки, – я убью вас.

Его порыв разбился о несокрушимую твёрдость Ольги, словно о скалу. Склонив голову набок, девушка изучающе разглядывала оппонента, как любопытный лабораторный экземпляр.

– Беспокойся я за свою жизнь, мне достаточно было дожждаться сумерек. И вместо смертельного врага я без всяких усилий получила бы труп, выпотрошенный, обезглавленный и безвредный. Но и бесполезный – прежде всего для Генкай-рю. Вы прекрасный воин, и можете принести школе много пользы... особенно когда научитесь сдержанности. А от мертвеца нет никакого проку. Только проблемы с захоронением.

– То есть вы хотите... заставить меня остаться в живых?

– Я не вправе вас заставлять. Выбирайте сами – между достойной жизнью и постыдной смертью. Никак не наоборот. Кроме того, сейчас вы вообще неспособны совершить ритуал так, как подобает самураю.

– Это ещё почему?

– Вы боитесь. И очень плохо контролируете себя. Рассказать вам, как это случится? – голос Ольги изменился, зазвучал глухо и монотонно: – В сумерках вы отправитесь к морю на подгибающихся ногах, и с вами пойдёт Сакадзаки-сан, который бросит вас отговаривать и просто будет идти рядом, мрачнее всех туч мира. Вы спуститесь ниже линии прилива, чтобы вода потом смыла кровь, мечтая лишь о том, чтобы какой-нибудь бог или будда избавил вас от кошмара. Но отступить вы уже не сможете. Вам придётся сесть на холодный мокрый песок и обнажить живот, невольно отводя взгляд от приготовленного вакидзаси. А Сакадзаки-сан вынет катану и встанет у вас за спиной, а вы не сумеете даже внятно проститься с ним, поскольку в горле у вас пересохнет. В последние минуты вы станете мысленно умолять его обезглавить вас прежде, чем вы прикоснётесь к мечу... но остатки гордости не позволят просить об этом. Не в состоянии унять дрожь, вы неловко обмотаете тканью половину клинка, цепляясь за ускользающее мужество. Приставите остриё к животу и внезапно почувствуете, что не в силах пошевелинуться от страха. Понимая, как унижительно ваше промедление, вы стиснете зубы и надавите, но рана получится совсем неглубокой. И тогда с отчаянным, но беззвучным криком вы вонзите меч по-настоящему... и в мире не останется ничего, кроме боли и ужаса. Невероятного ужаса – и невероятной боли. Ещё прежде, чем вы закончите разрез, они напрочь сметут сознание, и, видя, что вы теряете контроль над собой, Сакадзаки-сан нанесёт свой удар, спасая клочки вашей чести. А потом ему придётся решать, куда девать большой кусок мяса, в который вы превратитесь... Очнитесь, Тэруока-сан! Вы едва выдерживаете мой рассказ – как вам сдержаться, когда дойдёт до дела?

С серым лицом, тяжело дыша, Тэруока затравленно смотрел на девушку.

– Вы не могли знать, что именно Сакадзаки обещал мне помочь. И как вы догадались, где я хотел умереть? Наконец... о моём намерении?

– Логика и внимание к мелочам. Плюс ещё некоторые возможности разума. Не сомневайтесь: решись вы на смерть, всё будет именно так. Формально вы сохраните лицо. Не сбежите с места действия, честно распорете живот почти до конца и даже сумеете не завопить. Но по моему мнению, умирать в таком состоянии попросту неприлично. Да и вообще из нынешней ситуации трудно придумать более идиотский выход, чем самоубийство. Проявите достоинство, сражайтесь дальше и докажите мне, что вы мужчина и самурай! Жизнью своей докажите!

Собеседник Ольги сощурился.

– А если мои доказательства стоят жизни вам?

Россиянка повторила его прищур, как отражение в зеркале.

– Вы прикидываетесь или в самом деле такой глупец?

На новую вспышку ярости у Тэруоки уже не осталось сил. Он лишь помрачнел.

– Я уже говорил о своих планах. Договорился с Сакадзаки. Что теперь скажут, останься я в живых?

– Вздохнут с облегчением. Особенно Сакадзаки-сан. Вам не стыдно так его подставлять? Самые умные начнут уважать: требуется немалое мужество, чтобы признать такую ошибку. Или ваши друзья похожи на подростков, потешающихся над приятелем, у которого спёрли штаны в раздевалке?

Нервный смех Тэруоки удивил его самого.

– А сэнсей? Это вы сказали ему?

Ольга усмехнулась.

– Сэнсей вместе с двумя старшими учениками шёл за мной по пятам от границ парка. Пока мы ругались на дороге, он стоял за кустом – и видел наше дурацкое представление от начала и до конца. Наверное, здорово повеселился. – Она внезапно поднялась, прошла к токонома и уважительно, обеими руками взяла лежащий в ней свёрток, обернутый в зелёный шёлк. На раскрытых ладонях протянула его Тэруоке: – Возвращаю вам оружие. Эти мечи восхитили меня не меньше, чем ваше искусство владения ими. А ещё мне почему-то кажется, что хозяин столь прекрасных клинков должен быть достойным человеком.

У него задрожали губы. Самурай осторожно, как величайшую драгоценность, принял свёрток. И поклонился.

– Зачем вы это делаете? – растерянно спросил он.

– Как ни парадоксально, я о вас лучшего мнения, чем вы сами. И не желаю вам ни гибели, ни бесчестия. Кстати, я не считаю вас врагом. А хороший, серьёзный противник – штука ценная. Его надо беречь и лелеять, ибо у него можно многому поучиться.

Очень долго Тэруока молчал. Его пальцы рассеянно гладили мечи сквозь тонкую ткань. Наконец, он вскинул голову и внезапно улыбнулся – хищно и весело:

– Вы меня убедили, Серинова-сан. Я останусь жить... если господин не прикажет иного. Поэтому следите за своей спиной. Тщательно следите.

– Договорились.

Тэруока собрался было уйти, но вдруг замер.

– Серинова-сан... Тогда, на поединке... как вы меня остановили?

– Загипнотизировала. Ввела в состояние транса, воспользовавшись путаницей в ваших мыслях. И приказала проснуться уже после моего ухода.

– Вот как... Признаться, я удивился, что вы не убили меня.

– Интересная идея. Убить беззащитного человека, собрата по школе, всю ночь отмывать кровь с асфальта, а к утру на свежей могиле торжественно совершить сэппуку во искупление такого позорища. Не спорю, в истории попадались и более клинические случаи, но у меня несколько иное представление о разумном человеческом поведении.

– А ведь я собирался поступить именно так, – Тэруока хмыкнул. – И не ждал серьёзного сопротивления.

– Скрести мы с вами мечи, моего искусства хватило бы лишь на пристойную гибель. Меня воистину очаровала точность вашего удара на церемонии. Вы – выдающийся боец.

Тот изумлённо на неё воззрился.

– Точность моего удара... по вашей шее... вас очаровала?! Вам до такой степени безразлична жизнь?

– Я просто за неё не цепляюсь. Это позволяет мне обращать больше внимания на окружающее – и, как ни странно, оставаться в живых. Тоже своего рода безумие. Но полезное. Особенно в сочетании с собранностью и самоконтролем.

– Потрясающе, – вырвалось у Тэруоки. – Тогда понятно, почему я не смог противостоять вашей воле. Раз уж вас не смущает смерть...

Ольга вздохнула.

– Будь и вы подлинно готовы её принять, я ничего не смогла бы с вами поделать. В общем, всё к лучшему. У японских крематориев хватает работы и без нас.

Сакадзаки сидел на крыльце и ждал, пытаясь сохранять хотя бы внешнее спокойствие. Тэруока до сих пор не выходил. Серинова тоже. Сумеет ли она разубедить его? А если нет? «Тогда придётся выполнить обещание», – хмуро ответил себе Сакадзаки. Он попытался представить, как это будет. Картинка не вызывала ничего, кроме отвращения. Стандартная последовательность движений. Ожидание, удар, остановка, разворот и шаг в сторону. Голова друга скатится с плеч, а он, Ёситаро, станет убийцей. Дальше нужно вытереть меч и убрать в ножны. А потом? Как быть с телом? Как вообще жить дальше? Или самое правильное – стать на колени рядом и тоже выпустить себе кишки? «Кэндзиро совершенно спятил, – подытожил Сакадзаки. – Да и я, пожалуй, не меньше».

Сёдзи мягко скользнула в сторону. На пороге появился Тэруока, по-прежнему в тренировочной форме, с причудливой смесью облегчения, сомнения и недовольства на лице. В руках он держал длинный зелёный свёрток. «Серинова вернула ему оружие», – понял Сакадзаки.

– Можешь радоваться, Ёситаро. Тебе не придётся пачкаться, – Тэруока обнажил зубы в усмешке. – Похоже, я всё-таки остаюсь, – и тут же сморщился: – Наверное, ты думаешь, что я трусил.

– Я думаю, что ты наконец-то использовал мозги по назначению. И поступил как взрослый мужчина, а не как мальчишка, считающий за храбрость прыгнуть с моста. Ты даже не представляешь, какой камень снял с моей печени.

Тот скривился ещё больше.

– Хотелось бы верить. Только не получается. Никогда не чувствовал себя таким идиотом. Я не совершил преступления... точнее, мне не дали его совершить. И кончать с собой теперь – уже совсем глупо. Расписаться в своей никчёмности, не более. Кроме того, мне следует вспомнить о долге перед школой, – язвительно произнёс он нравоучительным тоном. – А по мнению Сериновой, мы с ней не закончили схватку, и я слишком рано признал поражение. Кажется, она не против, если я ещё пару-тройку раз попытаюсь её убить. Она в восторге от того удара, которым я чуть не прикончил её на церемонии! С кем мы связались?! Да, сэнсей не зря её сюда притащил. Серинова такая же сумасшедшая, как покойный Масаюки-сан. А то и хуже. За одну ночь она показала, кто из нас чего стоит. Без каких-либо боевых искусств. Кстати, господин следил за нами. И Кацумото, и Норимори...

– Мы могли бы и догадаться, – Сакадзаки нервно дёрнул плечом. – Он говорил с тобой?

– Да. Поинтересовался моими дальнейшими планами. Мне хотелось провалиться сквозь землю. Он ведь слышал наш разговор на дороге. Я сказал, что... пересмотрел своё решение и попытаюсь исправить ошибки. А Хаябуси-сама сидел и молчал. – В голосе Тэруоки прорвалась

сдавленная ярость: – Да, я виноват! Если моя вина непростительна, прикажите мне умереть, но зачем издеваться? Короче, я спросил, какого наказания заслуживаю.

– А он?

Тэруока заставил себя успокоиться.

– Нашёл мой выбор достаточно разумным и не нуждающимся в оправданиях. Посоветовал поучиться сдержанности и трезвому взгляду на вещи... у Сериновой. Разрешил пропустить вечернюю тренировку. Но завтра утром я должен встать перед строем, – воин зло засмеялся. – У вас есть официальная возможность набить мне морду за всё, что вам пришлось из-за меня пережить. Предупреждаю, я буду разочарован, если смогу потом удержаться на ногах.

– Ты, по-моему, и сейчас на них еле держишься, – с сомнением протянул Сакадзаки.

– Надеюсь, ты не станешь провожать меня до дома? – Тэруока потёр лоб. – Пожалуй, на этом я распрощаюсь. Я хочу побыть один.

– Тогда заberi, наконец, ключи от своей квартиры. Исао не мог ждать тебя до бесконечности. Ему как-никак на работу.

– Спасибо.

Тэруока сжал ключи в кулаке, сунул под мышку свёрток с оружием и побрёл со двора усталой походкой до предела обессиленного человека. Проводив друга взглядом, Сакадзаки снова сел на ступеньку, дожидаясь Ольгу.

Она вышла через пять минут. Её белый костюм даже в такую пасмурную погоду казался светящимся. Девушка держалась необычайно прямо, и рюкзачок за плечами лишь усиливал впечатление. «А ведь на ней наверняка живого места нет, – неожиданно подумал Сакадзаки. – Она сносно боится при бросках, но удары блокирует плохо. А бьют её в полную силу. Все, в том числе и я».

Заметив его, россиянка слегка поклонилась. Он встал и поклонился в ответ, как равный равной.

– Хороший день, Серинова-сан.

– Несомненно, – с улыбкой согласилась та. В её серых глазах отражались низкие облака. – Жизнь вашего приятеля вне опасности. Больше беспокоиться не о чем.

– Позвольте поблагодарить вас. Не знаю, как вам это удалось, но... я ваш должник до конца своих дней.

– Пустое, Сакадзаки-сан. Я тоже благодарю вас. Вы неплохо приглядели за ним минувшей ночью. Интересно, сколько саке вы в него влили? – Ольга улыбнулась ещё шире.

– Насколько я помню, он свалился на шестой бутылке, – хмыкнул Сакадзаки. – Столь грандиозной попойки мы не устраивали по меньшей мере лет пять.

– То-то сегодня половина школы мается от похмелья. Впрочем, основную проблему вы решили великолепно.

Сакадзаки вздохнул.

– Но я не смог переубедить его. А вы смогли. И остановили его, хотя ничем ему не обязаны. Скорее наоборот. Он уже пытался вас убить, и чтобы избавиться от опасности впредь, вам достаточно было устраниться.

– Тэруока-сан не такой уж плохой человек. Просто у него пунктик насчёт женщин и иностранцев. К тому же в своём стремлении избавить Генкай-рю от скверны он оказался не одинок. Но он пошёл до конца, и хотя бы поэтому достоин уважения. Меня порадовала встреча со столь грозным противником. Как и то, что мне удалось удержать его среди живых.

– Низкий поклон вам за это. Какой ни есть, он мой друг. Мне очень не хотелось... рубить ему голову.

– Прекрасно вас понимаю.

– Я должен извиниться за прошлый вечер. Больше такого не повторится. Но... я не жалею. Теперь нет причин сомневаться в вас. Приведённая вами... аргументация сразила нас наповал.

– Мне уже доводилось решать подобные проблемы, – она рассмеялась. – Лет так в четырнадцать или пятнадцать. Хулиганы в нашем дворе вели себя ровно так же. И тоже доказывали всему миру свою исключительность.

Сакадзаки вспомнил комментарии Норимори.

– Похоже, мы и впрямь повели себя как дети, – он с усилием улыбнулся. – Поделом. Но что с Тэруокой? Он так измотан, будто трое суток камни таскал.

– Нервное истощение. В сочетании с похмельем. Провести ночь, готовясь к мучительному самоубийству, само по себе нелегко. А утренние метания между жизнью и смертью, моя лекция и общение с учителем его окончательно доконали. Удивительно, как он вообще перемещается без посторонней помощи. Ничего. Отоспится и вернётся в нормальное состояние.

– Надеюсь. – Взгляд Сакадзаки посуровел. – Сэнсей приказал ему завтра встать перед строем.

– Сколько он потом проваляется в постели?

– Как повезёт. Принято сопротивляться до полной невозможности продолжать бой. Обычно это потеря сознания или травма. Костей там стараются не ломать, но случается. Иори однажды месяц в больнице провёл. Хотя лучшие бойцы школы, вроде Кацумото-сана, способны отбиться даже от шестерых. Имейте в виду, рано или поздно вам тоже предстоит это удовольствие. Повод найдётся.

Ольга пожала плечами.

– Значит, проверим экспериментально, сколько выдержу я. Столь жёсткий тренинг временами полезен. Прекрасно показывает дыры в технике.

– А дыр-то у вас хватает. Вы умудряетесь не отставать от нас по скорости, однако защищаться толком пока не умеете. Только я приложил вас сегодня не меньше десяти раз. Собственно, я потрясён вашей выносливостью. Мне казалось, даже тренированная женщина ляжет пластом после подобного избиения.

– У меня есть выбор? – вскинула бровь россиянка. – Чтобы сравнительно быстро чему-то научиться, нужно плюнуть на мелочи. Кстати, не обманывайтесь: хоть женщина и слабее мужчины, но пределы прочности у нее куда выше. И чем активнее я буду заниматься, тем скорее стану для вас реальным противником, а не девочкой для битья.

– Ну, реальным противником вы являетесь и сейчас. Таками, как ни странно, понравилось. Окажете мне честь завтра утром? Я тоже не прочь попробовать.

– С удовольствием. Надеюсь, вы не станете давать мне поблажки.

– Вы и вправду похожи на Масаюки, – внезапно погрузнел Сакадзаки.

– Кто это?

– Хаябуси Масаюки, старший сын учителя. Он был прекрасным человеком, великолепным воином – и моим лучшим другом. Пожалуй, любой в Генкай-рю скажет о нём то же самое. Четыре года назад глава местной якудзы попытался подмять школу под себя. Когда не сработали юридические зацепки, его громилы стали терроризировать нас по-другому. Чуть не спалили додзё, потом попытались взять заложника... Правда, Иори дрался куда лучше, чем бандиты могли ожидать, и мы успели прийти ему на помощь. Вот после этого случая... Масаюки-сан решил проблему. Ценой собственной жизни.

Сакадзаки помолчал.

– Он вычислил ставку их главаря. По уровню защиты та вилла больше напоминала замок. Но Масаюки пришёл туда один, вооружённый только своими мечами, прорвался через охрану и устроил им вечеринку в лучших самурайских традициях. Не знаю, скольких он там убил. Полиция насчитала около пятнадцати трупов, не считая тех, кто задохнулся в дыму, когда он

поджёт дом. До Чёрной Рыбы ему добраться не удалось, но вершушку клана Масаюки выкопсил начисто. А сам... он получил шесть огнестрельных ран. Истекая кровью, сел посреди разгрома и вспорол себе живот. Крест-накрест. У него ещё хватило на это сил... Впрочем, Масаюки изначально не мог спастись, не подставив под удар семью и Генкай-рю. А так скандал замяли, тем более что полицейские обнаружили в развалинах целый арсенал оружия, наркотики и отравляющие вещества. Но каких только слухов тогда не ходило. Масаюки называли героем, безумцем, пришельцем из прошлого... а он просто исполнил свой долг до конца. Он был истинным самураем. Его обгоревшее тело с трудом опознали, зато с тех пор никакая якудза и на десять ри не приближается к нашей школе. Да и в городе стало легче дышать.

Ольга безмолвно сложила ладони в ритуальном жесте, склоняя голову в память погибшего. Сакадзакэ последовал её примеру. Когда спустя минуту оба подняли глаза, на пороге стоял Хаябуси-сэнсей.

– Серинова-сан, теперь вы точно опоздали на автобус, – спокойно заметил он. Будто не слышал. – Так и быть, садитесь в мою машину. Я довезу вас до города. Может, в порядке благодарности вы поделитесь способом, которым переубедили Тэруоку.

По крыше «Тойоты» хлестали тугие дождевые струи. Видимость на дороге стремилась к нулю. Собиравшийся с утра ливень наконец разразился.

– Хорошо, что мы сегодня на авто. Пешком, наверное, не доползли бы. – Наталья устало прикрыла веки. – Я ощущаю себя фаршем, пропущенным через мясорубку.

– Вниманию учителя надо радоваться.

– А я и порадуюсь. Когда в себя немного приду. Ты тоже садистка ещё та. За всю тренировку не дала мне ни секунды передышки.

Сатоко фыркнула.

– Будешь жаловаться – заставлю ещё и дома заниматься. Кстати, нам явно не повредит серьёзный спарринг. Поэтому считай мои слова вызовом на поединок.

– Лучше сразу убей! – взмолилась Наталья.

– Сразу неинтересно. Убивать буду медленно, вдумчиво и жестоко. Пока тебе это не надоест и ты не начнешь нормально сопротивляться. – Сатоко въехала на стоянку и заглушила мотор. – Вылезай.

Наталья взялась за ручку дверцы.

– Я боюсь, – призналась она. – А если Ольга... не вернулась?

– Знаешь, я думаю о том же самом. Впрочем, сейчас узнаем точно.

Выскочив наружу, подруги наперегонки ринулись к дому. Однако скорость их не спасла. За считанные метры от машины до крыльца обе вымокли насквозь. Добежав, они вздохнули с облегчением. Не только из-за дождя. Ольгины спортивные туфли мирно стояли на доске для обуви.

Внутри было тихо. Сбросив промокшую одежду, Сатоко в одних тапочках прошла к себе и вскоре появилась снова в домашнем кимоно нежного персикового цвета. Второе, бледно-голубое, она протянула Наталье.

– Переоденься. Все эти тряпки надо прополоскать и развесить на веранде. Засунь их в стиральную машину, пожалуйста.

– Почему она нас не встречает? – удивилась Наталья, входя в кухню. Сатоко уже поставила чайник и возилась с микроволновкой.

– Спит, наверное. По сравнению с тем, как ей там достаётся, наши сегодняшние страдания – лёгкая разминка. Кроме того, она вчера ждала нападения... – не договорив, девушка нажала клавишу «пуск» и отправилась на второй этаж, в спальню россиянок. Наталья пошла за ней.

Ступая на цыпочках, они приоткрыли фусума. Ольга лежала на фу-тоне навзничь, отбросив в сторону правую руку в красных и синих пятнах. Из-под простыни виднелись грудь и бок,

разукрашенные ничуть не меньше. Но дыхание спящей оставалось ровным, а лицо – безмятежным. Она чему-то улыбалась во сне.

– Кошмар, – прошептала Наталья.

Еле слышного шёпота оказалось достаточно. Оттолкнувшись ладонью от пола, Ольга легко взлетела на ноги, в боевую стойку. Весело посмотрела на подруг.

– Видите, до чего меня довели? Даже спросонья на всех кидаюсь.

– Вижу, – отозвалась Сатоко, разглядывая её синяки и ссадины. – Орья-сан, как ты двигаешься в таком состоянии? Или ты вообще боли не чувствуешь?

Та язвительно засмеялась, накидывая халат.

– Помнишь, ты однажды объясняла, как справиться с болью, совершая самоубийство? Я последовала доброму совету. И просто не замечаю её. Пока получается неплохо.

– По-моему, ты знала этот секрет задолго до моих объяснений. Но если постоянно продолжать в том же духе, твоё тело может не выдержать. Ты уверена, что у тебя нет внутренних повреждений?

– Почти. Не переживайте – друг друга там стараются не калечить. Однако любой малоопытный олух вроде меня неизбежно получит свою порцию шишек. В общем-то, я отбиваюсь довольно успешно для моего уровня.

Сатоко хмыкнула.

– Слышишь, Ната? А ты ещё жалуешься.

– Я всё поняла, – кивнула та. – Простираюсь во прахе, умоляя о прощении. Осмелюсь лишь заметить, что я – нормальная женщина, а не совершенный воин без страха, упрёка и здравого смысла.

– Нормальные женщины не ездят в Японию изучать боевые искусства, – парировала Сатоко. – А здравый смысл ты в полной мере продемонстрировала вчера, угрожая Хаябуси-сэнсею. Деваться некуда, придётся тебе стать совершенным воином.

– Я ещё не настолько свихнулась. *«Бусидо ва синигуриу нари»*, – меланхолично процитировала Наталья. – Путь самурая состоит в том, чтобы умереть, как безумец. А до того, видимо, жить, как настоящий сумасшедший. Живая тому иллюстрация стоит от меня в двух шагах. Кстати, Ольга, тебя ещё не пытались убить?

– Пытались, – улыбнулась она. – Получилось очень смешно. Хотя и утомительно.

Наталья с облегчением рассмеялась. Зато Сатоко воззрилась на подругу почти с ужасом.

– Смешно?!

– Иначе не скажешь. Вчера на меня устроили классическую засаду, причём почти все участники обвешались мечами не хуже новогодних ёлок. Правда, пятеро из шести собирались меня только показательно припугнуть... большую глупость трудно придумать. Их я просто подняла на смех. Но в своем главном враге я не ошиблась, – Ольга коснулась заживающей раны на шее. – Он решил идти до конца. И вызвал меня на смертельный поединок.

– А ты?

– Я приняла его вызов. Только не надо так бледнеть. Всё уже закончилось. Один из его приятелей любезно одолжил мне катану. Конечно, она не могла мне помочь против такого бойца... Поэтому я остановила его другим способом. Впервые в жизни у меня толком получился эриксоновский гипноз, – девушка фыркнула. – Не иначе как с перепугу. Я заставила противника замереть на месте – и обезоружила, дабы он с горя не занялся художественной резьбой по животу. По счастью, его друзья правильно поняли мой намёк и напоили беднягу до потери сознания. А утром я вправила ему мозги и вернула клинки. После такого представления даже самые закоренелые ксенофобы признали моё полное право тренироваться с ними – и получать от них по физиономии.

Подруги расхохотались.

– Интересно, а Хаябуси-сэнсей в курсе ваших ночных походов?

– Разумеется. Он в них тоже участвовал, следя за нами из-за кустов, как заправский ниндзя. Упускать такое зрелище и впрямь не стоило. Великолепный сюжет для кинокомедии.

– Учитель... хотел защитить тебя? – осторожно поинтересовалась Сатоко.

– По-моему, он сам не знал, чего хотел. Во всяком случае, вмешиваться не стал. Как и все остальные. Зато потом разбудил меня в четыре утра и выразил удивление, что мне удалось уцелеть. Удивление и радость.

– Сатоко, и ты ещё называла его благородным человеком? – в голосе Натальи сквозило презрение. – Для него, похоже, жизни учеников абсолютно ничего не значат. А беспокоиться о какой-то девчонке из России ему вообще в голову не придёт. Не пришибли? Странно, но ладно. Только личности вроде нашей Ольги могут радоваться подобному «обучению».

Ольга медленно подняла на неё глаза.

– Ната, пожалуйста, придержи язык, – спокойно попросила она. – Неприятно слушать. Я чрезвычайно высокого мнения о Хаябуси-сэнсее.

И считаю великой честью возможность всерьёз у него учиться. Ты уж поверь, у меня есть к тому основания. У тебя, кстати, тоже.

– Но ты...

– Я пошла на это сама. Осознанно и добровольно. Причём учитель предупредил меня и о степени опасности, и о суровости правил, которым придётся следовать. По сути, я теперь являюсь его вассалом. Так что будь добра, не оскорбляй моего господина.

Подруги онемели.

– Это... шутка такая? – выдавила, наконец, Наталья.

– Можешь считать и так. – Во взгляде Ольги постепенно таяла жёсткость, замораживающая кровь. – Но если ради нашей школы мне придётся умереть – я умру. Ибо она того стоит.

– А тебе не приходило в голову, что в мире, который ты с лёгкостью готова оставить, кто-то станет тебя оплакивать?

Ольга неспешно свернула постель; убрала её в шкаф. Вздохнула. И тихо ответила:

– Простите меня. Пожалуйста, простите. Но по-другому уже не получится.

На кухне запищала микроволновка.

– Обед готов, – констатировала Сатоко. – Пошли есть, пока вы опять не поругались.

Спустившись вниз, девушки расположились вокруг стола и взялись за палочки. Суп съели в полной тишине. Только раскладывая по тарелкам суси, Сатоко осведомилась:

– Орья-сан, а где ты там спишь?

– Две прошлых ночи я провела в парке под деревом. Сегодня утром Хаябуси-сэнсей отыскал меня там и приказал впредь ночевать в его доме. Вечерняя тренировка заканчивается в десять, а утренняя – начинается в половине шестого. Мне, как самой младшей, полагается ещё убираться в додзё. В общем, на сон остаётся не очень много времени. Я-то ладно, здесь отоплюсь, а вот когда спят остальные – полная загадка. Они как-никак работают.

– Привыкли, наверное. Японцам традиционно спать некогда. У вас часто пропускают тренировки?

– За пропуск без уважительной причины так по ушам дадут, что в другой раз не захочется. Даже за опоздание. Степень уважительности, понятно, определяет сэнсей.

– Люто. А форма и снаряжение там такие же, как везде?

– Форма стандартная. Чёрные хакама, чёрное кимоно. А вот насчёт снаряжения... мне придётся спросить у тебя совета. Учитель озадачил меня распоряжением обзавестись комплектом боевых мечей – впридачу к деревянному оружию и ножу. Ты можешь подсказать, как решить проблему?.. Почему ты так странно на меня смотришь?

– Я начинаю осознавать истинное значение слова «Путь», – в голосе Сатоко сквозило потрясение. – Говорят, если следуешь ему не уклоняясь, судьба наделит тебя всем необходи-

мым. Я думаю об этом... и мне становится страшно. Тебе не нужно решать эту проблему, Орья-сан. Она уже решена.

– Похоже, я чего-то не понимаю.

– Доедим – поймёшь.

Ольга посмотрела на Наталью, но на её лице читалось такое же недоумение. Уточнять она не стала. Только собрала пустые тарелки и сложила их в посудомоечную машину. Сатоко с задумчивым видом разливала чай. До конца обеда никто не проронил ни слова.

Когда последняя чашка была вымыта и убрана на место, подруги поднялись в «тянома» – комнату в традиционном стиле, в которой единственным признаком современности был спрятанный за ширмой музыкальный центр. В токонома висел каллиграфический свиток:

*В окно заглянул
Потерявшийся ветер.
Одиночество.*

Под ним стояла неглубокая овальная тарелка, синяя с голубыми прожилками. В ней неярко мерцала вода, отражая единственную лилию с зеленовато-белыми лепестками, изящно расположенную с краю.

Но сейчас внимание привлекала не икебана. Возле дальней стены под лакированным чёрным столиком валялась длинная картонная коробка с потёртыми, смятыми уголками. А на самом столике, на большом куске желтоватого шёлка, лежали два меча в тёмно-красных ножнах с узорчатыми бронзовыми цубами. Длинный и короткий.

Сатоко указала на катану:

– Орья-сан, что вы о ней скажете?

– Прекрасное оружие, с отличной заточкой и хорошим балансом, – спокойно отозвалась та.

– Погоди-ка, – встряла Наталья. – Как ты определила, какие у него баланс и заточка? Ты ведь даже не прикоснулась к нему...

– Мне уже доводилось им пользоваться, – последовал бесстрастный ответ. – Это дайсё Камиямы-сана.

Подняв оба меча вместе с тканью, Сатоко на раскрытых ладонях протянула их Ольге:

– Возьмите. Вне всякого сомнения, они принадлежат вам.

Привычное хладнокровие россиянки разлетелось вдребезги. Она ошарашенно посмотрела на клинки; потом на подругу.

– Я... не могу принять столь ценный подарок.

– Вам придётся его принять. Не от меня, а от моего дяди. – Слова Сатоко звучали подчеркнуто официально. – По обычаю, о котором вы наверняка знаете.

Наталья непонимающе покосилась на Ольгу.

– Совершающий сэппуку самурай часто дарил кайсяку своё оружие, – пояснила та по-прежнему изумлённо. – Разумеется, если считал нужным – и мог себе такое позволить. Но с чего вы взяли, что Камияма-сан имел подобное намерение по отношению ко мне?

– Я не могу иначе объяснить происходящее. – Из груди Сатоко вырвался прерывистый вздох. – Метафизика какая-то. Киэ Камияма, дядина вдова, ещё до похорон ринулась в полицейский участок добиваться возвращения семейных реликвий. После ограбления магазинов «Хосэки Хэйан» вся полиция в городе стоит вверх дном, и в участке было явно не до неё. Чтобы отделаться от настырной дамы, ей вернули дайсё, едва исполнив необходимые формальности. А госпожа Киэ в тот же день приехала ко мне и отдала клинки, заявив следующее: «Я не желаю видеть их в своем доме ни единого мгновения. Найди им применение, подари кому сочтёшь

нужным или просто выбрось в море». Она теперь до безумия боится, как бы её сын однажды не повторил судьбу отца... На мой вопрос, зачем же ей тогда понадобилось три дня кряду терроризировать полицейских, Киэ-сан разрыдалась: «Я хочу, чтобы всё закончилось!» Она, видите ли, чувствовала себя обязанной вернуть мечи покойного мужа... сама не зная, почему. Но когда привезла их мне, ей сразу стало спокойнее. Оружие, оборвавшее жизнь её супруга, вызывает у неё только ужас. Орья-сан, какие ещё вам нужны доказательства?!

– Никаких, – в глазах россиянки появилось выражение бесконечной боли. – Путь и впрямь наделяет всем необходимым. Сколько раз я пользовалась этим. Но так... – Ольга бережно взяла дайсё из рук Сатоко, тоже вместе с шёлком. Складки полотнища скользили по коже, словно чьи-то призрачные пальцы. – Я иду бок о бок со смертью. И все, кто ко мне приближается, волей-неволей ступают на край. С разными, правда, последствиями. Или я, блуждая по грани, встречаю попутчиков? Но иначе нельзя. Невозможно. Делаешь должное, и случается то, что должно случиться. Например, я получаю два меча – в дар от мертвеца. А Хаябуси-сэнсей обратил на меня внимание, потому как моё поведение напоминает ему другого мёртвого человека... По большому счёту, мне следует покинуть вас навсегда – просто для того, чтобы защитить. И то, боюсь, уже поздно.

– Что значит «покинуть»? – насторожилась Наталья. – Надеюсь, ты не собираешься...

– Не собираюсь. А вот уйти, разорвать все отношения с вами обеими – возможно, стоит. Правда, мы будем сталкиваться друг с другом на тренировках по иайдо... но их я теперь могу оставить...

– Орья-сан, прекрати, – решительно оборвала её Сатоко. – За кого ты нас принимаешь? Возможно, мы действительно в ловушке ками и нам грозит реальная опасность. Мне всё труднее сомневаться в твоих словах. Но переступить через дружбу ради собственной безопасности? Оставить тебя в одиночестве, без поддержки? Знаешь, я всё-таки самурай.

– Аргумент, конечно, – кивнула Ольга. – Заболевание наследственное, чреватое обострениями. К сожалению, единственный действенный метод лечения – харакири... Сколько ещё мне над вами издеваться? Сатоко-сан, вот этим самым мечом я отсекла голову вашему дяде. Я превратила вашу жизнь в сущее безумие, я прихожу по утрам в синяках и крови, рассказывая очередную жуткую историю, а вы радуетесь, что я вообще вернулась. Зашиваете мои раны, прикрываете перед полицией, кормите и опекаете. До коих пор? Без меня вам станет куда спокойнее.

Жёсткая улыбка искривила губы Сатоко.

– Да, у меня европейское образование, и мой сын учится в Америке, и я совершенно не в восторге от махрового средневековья, в котором мы увязли. Но раз мне приходится играть по правилам времен Токугавы, я буду играть по ним. Ты не заставишь меня поступиться честью. Я не позволю тебе уйти.

– Вы всерьёз? – сощурилась Ольга.

Сатоко побледнела, но не отвела взгляда.

– Испытай меня, если хочешь.

Ольга медленно засунула дайсё за пояс халата. Её лицо неумовимо изменилось. Сейчас она смотрела на собеседницу, как на противника в поединке – пристально, холодно, безжалостно и равнодушно. Так смотрят на мир морские птицы; так глядит воин, идущий в бой, не заботясь о собственной участи. Отрешённые, ясные, уверенные глаза навевали странные образы. Острые льдинки под босыми ногами. Крик одинокой чайки, скользнувшей в пустом небе. Вечный мороз горных вершин; серая даль беспредельного океана. Звонящая тишина. Зеркальная сталь боевого меча, направленного в открытое горло. Ещё мгновение – и горячий алый цветок вспыхнет ярким пятном в ледяной бесконечности рассвета.

Наталья, точно замороженная, смотрела на две фигуры, застывшие друг против друга. Долгое, нескончаемое мгновение они не двигались, сцепившись пронзительными, немигаю-

щими взглядами. А потом Ольга мягким, стремительным, неосознанно красивым жестом обнажила катану, и сверкающее острие упёрлось в шею Сатоко. Та не вздрогнула, не шевельнулась, даже не покосилась на клинок. Но учащённое дыхание и капли пота на лбу выдавали степень её напряжения. Спустя ещё нестерпимый, нескончаемый миг она проговорила низким полупшёпотом:

*Остался один
Шаг навстречу истине —
Сделаю его.*

И шагнула вперёд, прямо на меч. Не отклоняя оружия, Ольга отступила на шаг назад и ответила – совершенно бесстрастно, безжизненно, как могло бы говорить изваяние:

*Единственный миг —
Вершина всего пути,
И нет возврата.*

Сатоко помедлила. Ей хотелось закричать – но она заставила себя сдержаться.

*Как прекрасна жизнь!
Но лишь тень её мелькнёт
В зеркале клинка.*

Новое слитное движение тел, соединенных серебристой полоской лезвия. И сразу ответ, холодный, как космическая бездна:

*Путь воина – смерть
Безмерная истина
В сердце сияет.*

Отточенное остриё по-прежнему касалось горла Сатоко. Изнемогая, она выпрямилась.

*Нет, я не дрогну.
Если ты хочешь убить —
Не уклоняйся!*

Ольга почти упёрлась спиной в стену. Пятиться дальше было некуда.

Так и не опустив глаз под спокойным, беспощадным взглядом подруги, Сатоко сделала последний шаг. Окончательный.

*Мгновенный удар.
Меч, поражающий цель —
Вот совершенство!*

Катана полыхнула серебряной радугой. Кусок желтоватого шёлка взвился в воздух, на долю секунды обвил клинок и двумя половинками разлетелся по комнате. Ольга рассмеялась – легко, счастливо и заразительно, разрывая невыносимую, ирреальную пелену загадочного действия. Привычно вложила оружие в ножны. И низко поклонилась.

– Мне действительно незачем уходить. Если, конечно, ты не вышвырнешь меня за дверь теперь.

Плечи Сатоко задрожали; в глазах блеснули слёзы.

– Ты... показала мне... это труднее, чем я думала. – Она всё ещё дышала тяжело. – Кажется, я выдержала... твоё испытание. Знаешь... я была почти уверена... что ты не опустишь меч. Ты не просто идёшь рядом со смертью, Орья-сан. Ты *есть* смерть. Как ты можешь нести в себе такое – и смеяться?!

– Относиться к этому всерьёз? Да я бы давно рехнулась.

– Что здесь произошло? – Наталья изумлённо разглядывала подруг. – Не понимаю...

– Комбинация поединка, психотренинга и совместной медитации. Сатоко-сан отстояла свою позицию в споре. Типично самурайским способом. Красивые у неё стихи...

– А у твоей задачи были другие варианты решения? – слабо хмыкнула Сатоко, непроизвольно потирая шею.

– Сколько угодно. Например, улыбнуться. Но среди буси почему-то принято кидаться к гибели, когда надо и не надо. И никакое европейское образование не спасает. Мы с тобой и впрямь монеты из одной связки. Нам лучше держаться вместе. А с Натой мы всё уже обсудили вчера. Видимо, придётся закрыть вопрос.

– Наконец-то я слышу от тебя нечто разумное, – Сатоко подобрала с пола один из кусков шёлка и устало вытерла им лицо. Потом неожиданно усмехнулась: – Орья-сан, если ты ещё хоть раз вернёшься к этой теме, я просто дам тебе в глаз, невзирая на последствия.

– Принято, – поклонилась Ольга с серьёзным видом. – Да, можно у вас попросить...

– В том шкафу на верхней полке слева, – указала она, не дослушав. – Там же все инструменты.

– Почему я в вашем обществе всё время чувствую себя дурочкой? – пожаловалась Наталья. – Вы о чём?

– Орье нужно привести в порядок своё оружие, – пояснила Сатоко. – Его с тех самых пор никто не чистил. Вакидзаси так и вовсе в кровавых пятнах. Работы у неё хоть отбавляй.

...Таким образом, у нас нет ни малейшей зацепки, – заключил Сакагами Тэцуо, начальник городской полиции. – Мою уверенность, как вы понимаете, к делу не подошьёшь.

Они с Хаябуси-сэнсеем расположились за столиком в отдельном кабинете ресторана «Аюми». Учитель едва притронулся к своим суси; зато Сакагами активно воздавал должное превосходной кухне. Палочки в его руках так и мелькали.

Хаябуси смерил его долгим взглядом.

– Значит, не имея законных способов поймать рыбу, вы обращаетесь ко мне. Надеюсь, мне не предлагается стать преступником?

– Ни в коей мере, – Сакагами заметно стушевался. – Однако у вас есть определённые... методы воздействия и расследования, недоступные полицейскому управлению. В конце концов, вы, без сомнения, должны нам посодействовать. Мы много лет закрываем глаза на некоторые... юридические казусы, связанные с вашей школой. Кроме того, ведь Отару Хидэки, сорвавшийся с крыши шесть лет назад, тоже учился у вас? Нет-нет, я понимаю, это несчастный случай...

– Совершенно верно. Несчастный случай, – сурово подтвердил сэнсей. – Школа взяла на содержание его семью именно потому, что я чувствую ответственность за своих учеников. Если вы намерены меня шантажировать, мы с вами далеко не уйдём. В конце концов, Хаябуси Масаюки, четыре года назад сделавший за вас вашу работу, был моим сыном. И я его потерял.

– Прошу меня простить. Я не это имел в виду. Однако...

– Я попробую вам помочь.

– Что?

– Я попробую вам помочь, – чуть громче сказал Хаябуси. – Мои рекомендации на данный момент: постепенно сократите охрану магазинов «Хосэки Хэйан». У одного из уже ограбленных уберите вовсе. Лучше взять тот, который в квартале Атариси: там наиболее глухое место из всех возможных.

– Зачем?

– Если нам повезёт, Чёрная Рыба попробует ещё раз. Тогда мы отследим исполнителей и их клановые связи. А также разберёмся, каким образом человек, сидящий в тюрьме, оставляет отпечатки пальцев на витринах. Ещё – найдите благовидный предлог и установите наблюдение за высокопоставленными сотрудниками фирмы и их семьями. Не исключено, что среди них есть осведомитель. Кроме того, их могут избрать следующей мишенью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.